

18+

Содержит
нецензурную
брань

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Герман
Канабеев
роман

Герман Канабеев
Отто
Серия «Книжная полка
Вадима Левенталья»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57284080
Отто: Городец-Флюид; Москва; 2020
ISBN 978-5-907220-45-4

Аннотация

Он вылез из гроба и уже готов идти спасать человечество. Кого он возьмет себе в помощники? Барыг, подпольных миллионеров, наркоманов, самопровозглашенных мессий, шаманов и коучей, женщин сложной судьбы? Именно в их уютный мирок он вторгнется и разрушит его во имя насильственного просветления всех людей на планете.

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	31
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Герман Канабеев

Отто

© Г. Канабеев, 2020

© ИД «Городец – Флюид», 2020

© П. Лосев, оформление, 2020

* * *

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Посвящается Анне – моей жене, моему критику, редактору и самой большой любви в жизни.

Часть первая

Глава первая

Я долго не решался приступить к описанию событий, участником которых стал, но теперь, когда до развязки осталось времени намного меньше, чем мне представлялось, выбора не остаётся. Кто-то должен рассказать, с чего всё началось, не приукрашивая и не плодя лишних сущностей, как это принято, когда происшествия, бывшие ещё вчера новостями, сегодня уже история.

Род моей деятельности не позволяет называть города, где всё случилось, более того, я не готов раскрывать настоящие адреса. Действительные имена участников также предпочитаю скрыть. Скажем, всё произошло в городе М. где-то между две тысячи семнадцатым и две тысячи двадцатым годами. Я понимаю, что легко можно определить город и узнать настоящие имена людей, о которых я расскажу, но для меня главное, чтобы всё это нельзя было приобщить к доказательствам в суде.

Итак, я – продавец. Хотя от моих покупателей чаще можно услышать презрительное – барыга. Наверное, они по-своему правы, да и кто я такой, чтобы судить их. Если честно, я вообще о них никогда не думал и рассматривал исключи-

тельно как источник дохода, не более. Пусть называют как угодно, главное, чтобы оставались покупателями, а я уж как-нибудь справлюсь с гордыней, отдыхая на их деньги в тёплой стране, где круглый год можно носить только тапочки, шорты и футболку.

Мои магазины нельзя найти на улицах, да и в интернете не получится, по крайней мере, в той его части, что индексируется Google и Яндекс. Через привычные поисковые системы можно только узнать название форума, в некоторых ветках которого я развернул бурную деятельность несколько лет назад. Сейчас я имею приличный доход, надёжно защищённый от посягательства бдительных органов правопорядка возможностями криптовалют. Если кто-то захочет ознакомиться с перечнем моих услуг и товаров, пусть устанавливает браузер Tor, и добро пожаловать в нелегальный сегмент интернета. Подробных инструкций я приводить не буду по известным причинам, но общее представление вы теперь имеете. Скажу только, что зарабатываю я благодаря любви наших людей к изменённым состояниям сознания. Если кому-то покажется, что я беспринципен и не гнушаюсь ничем, лишь бы заработать – это не так. Я никогда не продавал ничего, что можно колоть в вену, и того, от чего легко попадают в могилу. Мой продукт взят напрямую из кладовых природы, я предлагаю только траву.

Конечно, меня всегда тревожила перспектива сесть в тюрьму, что обычно и случается с теми, кто занимается по-

добным, поэтому я предлагал и вполне законные услуги, надеясь, что когда-нибудь откажусь от травы.

Так, в последнее время большой популярностью среди моих предложений пользуются экстремальные клады. Заказывая такой клад, придётся выложить приличную сумму, при этом покупатель даже не знает, что именно получит и будет ли это полезно. Скажу сразу – полезно не будет. Даже наоборот. Скорее всего, это будет эмоциональное потрясение, и чем больше денег будет заплачено, тем сильнее оно окажется. Скажем, мой последний заказ. Это был гроб. В могиле, выкопанной в глухом лесу. В гробу труп, конечно, не настоящий, но натурально исполненный человеком, занимающимся созданием подобных декораций для кино. Конечно, можно подумать: «И что тут такого?» Но покупатель-то понятия не имел, что его ждёт. У него были только координаты клада. Место специально выбиралось так, чтобы до него было максимально сложно добраться. Вы когда-нибудь раскапывали могилу? А что-то похожее на могилу? Поверьте, когда лопата глухо стукнет по гробу, когда станет видна красная траурная обивка – проснетесь вечный животный страх смерти, пусть даже эта смерть чужая. Да, когда гроб извлечён и сбита крышка, когда прошёл первый шок, и стало понятно, что внутри не настоящий покойник, а натуралистическая кукла, вы засмеётесь нервным смехом и, возможно, подумаете, что деньги потрачены зря. Но человек небедный вскоре снова закажет у меня клад и заплатит ещё больше денег. Что про-

изойдет в этом случае, пусть останется коммерческой тайной. Ну а если кто-то не верит, что подобный товар пользуется спросом, рекомендую поискать на YouTube видео по этой тематике.

Одним из моих постоянных клиентов, чьи заказы очень сытно меня кормили, был Андрей Михайлович Цапкин, на нём я бы хотел остановиться подробнее. Не только потому, что Цапкин – мой дражайший покупатель, но и потому, что он сыграл ключевую роль в описываемых событиях.

Мы – соседи, и в первый раз я увидел Цапкина в продуктовом магазине. В то летнее утро этот немолодой мужчина среднего роста с круглым и тугим, как баскетбольный мяч, животом, густо покрытый уже седой растительностью, стоял возле кассы в одних семейных трусах в мелкий кислотно-жёлтый смайлик и кроксах и пытался доказать кассирше, что плевать он хотел на законы, особенно на тот, что запрещает продажу спиртного до десяти часов утра. Он довёл девушку до такого состояния, что она уже не обращала внимания на, так скажем, неуместный наряд и теперь интересовалась Цапкиным исключительно как человеком, точнее, всеми силами пыталась объяснить доступным ей способом, что ничего человеческого в Цапкине нет, а есть только то, с чем должны разбираться компетентные органы. По её словам, эти органы должны были прибыть с минуты на минуту. Цапкин не растерялся и ответил: «Я тебе сейчас покажу, сука, орган, тот самый орган, которого ты заслуживаешь». И

перешёл к делу: натурально спустил трусы и положил член в пластиковую тарелочку для купюр и мелочи. Девушка смотрела на член так, как, наверное, смотрел бы человек на НЛО, настолько невероятен был этот перформанс. Мне казалось, я слышу, как в голове у неё переключается множество тумблеров, пытаясь подобрать нужную комбинацию из приобретённого жизненного опыта и представлений о реальности, дабы хоть как-то объяснить себе происходящее. Прежде чем она опомнилась, Цапкин натянул трусы и вышел из магазина.

Его гладко выбритый череп сиял в слепящих лучах июльского солнца почти так же ярко, как само светило. Несмотря на то, что кроме трусов на Цапкине ничего не было, выглядел он не просто уверенно, а даже величественно. Словно не он, а все люди вокруг неуместны в своих одеждах. Конечно, я забыл, зачем оказался в магазине, и вышел на улицу вслед за Цапкиным. Что-то мне подсказывало, что представление только начинается. И действительно, не успел Цапкин сделать и десяти шагов, как путь ему преградила полицейская машина, откуда выскочил страж порядка. Тут я увидел то, что совсем не ожидал увидеть. Посмотрев на Цапкина, господин полицейский как-то сразу уменьшился в размерах, и мне показалось, будто даже отвесил поклон, неявный, конечно, но в его движениях было подобострастие, словно сработала глубинная холопская память. Подобное смирение можно увидеть на дороге, когда пугливые водители спешат убраться в сторону, заметив в зеркалах заднего вида догоня-

ющий их автомобиль представительского класса. Я не слышал, о чём они говорили, но увидел, как полицейский услужливо открыл заднюю дверь автомобиля и предложил нашему герою присесть. В ответ Цапкин разразился такой отборной бранью, что я не смог бы дословно привести её здесь и не прослыть грубияном. Для завершения картины скажу, что дело происходило практически в центре города, на одной из исторических улиц, точнее, в одном из переулков исторической улицы. Здесь множество посольств, представительств и офисов, здесь самая дорогая недвижимость в городе. Конечно, не сказать, что здесь живут исключительно почётные и уважаемые горожане, зачастую наоборот, но подобные выходы обычному смертному здесь точно даром не прошли бы. «И что делать?» – спросил у неба Цапкин, когда полицейская машина скрылась из виду. Я решил завести знакомство со столь необычным персонажем и осторожно сказал: «Если вы о пиве, у меня дома есть три бутылки холодного нефильтрованного, могу угостить». Цапкин облизнулся, видимо уже почувствовав вкус пива. «Где дом?» – спросил он и стал внимательно меня изучать. Я показал рукой на здание, в котором снимал квартиру. Удостоверившись, что между ним и пивом совсем небольшое расстояние, Цапкин одобрительно улыбнулся и сказал: «Тащи».

В девяностые годы прошлого века, а точнее – в тысяча девятьсот девяносто четвёртом, Андрей Михайлович Цапкин,

по его словам, заработал свои первые большие деньги. Он и до этого не был бедным человеком, но только благодаря капиталам семьи Цапкиных. До тридцати лет Андрей Михайлович и не думал, что ему нужно зарабатывать самостоятельно. Но когда отец с матерью решили вернуться на историческую родину – в Израиль, – Цапкин в первый раз задумался: «А что, если всё вдруг закончится?» – и, заняв у родителей необходимую сумму, поставил на улице А. ларёк с сигаретами, и тот простоял двадцать с лишним лет, пока новый мэр не снёс все подобные торговые точки в городе, как портящие исторический облик. К тому времени Цапкин уже не нуждался в доходе от продажи сигарет и держал ларёк исключительно из ностальгии.

Улица А. города М. вместе со всеми её переулками была для Андрея Михайловича поистине родной. Все поколения Цапкиных жили здесь ещё с тех времён, когда один из русских царей пожаловал древнему родственнику Андрея Михайловича имение. Позже, когда после революции дом Цапкиных отобрало государство и сделало многоквартирным, семье Андрея Михайловича пришлось ютиться в одной из квартир, что, в принципе, можно считать удачей, учитывая непростое отношение новых властей к зажиточному классу. Но Андрей Михайлович Цапкин не был бы собой, если бы не восстановил историческую справедливость уже в две тысячи первом году, отсудив у государства дом. Цапкин никогда не распространялся, как ему это удалось, но и без его объясне-

ний мне было понятно, что Андрей Михайлович ближе к сорока годам обзавёлся достаточными связями, чтобы без особых трудностей добиваться любых поставленных задач, по крайней мере из тех, что не претендуют на звание высших. Когда наша дружба, спустя несколько месяцев после событий в магазине, окрепла, и Андрей Михайлович стал доверять мне в достаточной мере, я своими глазами видел в гостях у него людей в форме с самыми большими и яркими звёздами на погонах. Нередко Цапкин принимал у себя людей, что мелькают в политическом блоке новостей центральных каналов. Общался он с ними запросто, даже небрежно, но в их глазах я никогда не видел непонимания или строгости, скорее – в них читалось глубокое уважение с оттенком страха.

Отвоёванный дом Цапкин отремонтировал, превратив в один из самых дорогих домов в городе М., и стал сдавать квартиры, стоимость аренды которых достигала таких величин, что их неприлично произносить. Если вы думаете, что Андрей Михайлович Цапкин на этом остановился, то сильно ошибаетесь. Следующий его ход был поистине грандиозным. Цапкин справедливо полагал, что, владея настолько дорогой недвижимостью, он не может всё-таки гарантировать себе безоблачного будущего, и связано это не столько с его личными качествами, сколько с особенностями страны, где мы имеем счастье проживать. Нет, он не обвинял её в несправедливости. Нет, он не роптал и не размышлял о пу-

тях спасения, Цапкин с той самой русской обречённостью, на которую способны только евреи и немцы, принялся обеспечивать себе тыл. На всякий случай: не ровен час, опять начнут сносить памятники, которые поставили на место, после того как снесли их в прошлый раз, или начнут тасовать цвета на государственном флаге или снова на могилах умерших вместо крестов будут ставить обелиски со звёздами. Разве можно гарантировать хоть что-то в России в самом начале века, как сейчас? У нас можно гарантировать лет тридцать спокойствия только тогда, когда начнутся шестидесятые годы и далее. И снова рухнет всё, ближе к новому веку, чтобы в следующем, до новых шестидесятых, умирать за вскоре разрушенное будущее. И нет в этом фатума, и нет вины ничьей, просто Родина наша как женщина, у которой вот такие менструальные циклы. Пока эта женщина не начала истекать кровью, не приняв в лоно своё семя очередной национальной идеи, и не понесла, питая через пуповину истории своего спасителя, Андрей Михайлович Цапкин придумал, как ему остаться при своём, а лучше вообще на иждивении, при любом раскладе, включая беременность и выкидыш. А выкидыши у Родины нашей матушки случаются с завидной регулярностью, и это намного страшнее всего остального, ведь не может быть ничего страшнее, чем горе матери, бесконечно любящей как рождённых, так и своих не родившихся детей.

Решение оказалось простым и изящным – нужно вплести свою фамилию в историю и культуру. Желательно в ту исто-

рию и культуру, что не испачкана политикой, чей авторитет поддерживается государством при любом строе и при любой власти как часть духовной составляющей, как часть культурного кода. Цапкин решил было приобщить свой род к великим полководцам, но, скрупулёзно изучив вопрос, понял, что такие вроде бы незыблемые авторитеты первыми подвергаются нападкам в случае смуты. И прошлые подвиги их ставятся в упрёк, и великие победы оказываются поражениями, а завоевания во имя освобождения преподносятся как банальный захват территории в угоду сиюминутным интересам. Это в лучшем случае, а зачастую великих мастеров ратного дела и вовсе объявляют сумасшедшими, низводя героизм до диагноза. Андрей Михайлович Цапкин, будучи человеком умным, не стал надеяться на авось, он взялся за то, что ценится во все времена, а именно – русскую литературу. Не ту литературу, что была на стыке каких-либо эпох или идей. Не ту, где можно разглядеть идеи красные, белые, чёрные, а за ту её часть, что, в отличие от литературы западной, относящей себя к индустрии развлечений, взвалила на плечи бремя духовности. Из-за этой духовности до сих пор у нас писателя, зарабатывающего деньги на своих произведениях, считают еретиком. Дай волю, с удовольствием сожгут на костре, хоть и нет такой казни в наших традициях. У нас сажали на кол, но время сейчас такое, что даже столь лютое мучение легко могут подвести под статью за пропаганду сами знаете чего. И Андрей Михайлович Цапкин нашёл то, что

хотел. Здесь, в городе М., на улице А. есть дом-музей именно такого писателя – настоящего и не про entertainments, а исключительно про духовность. Я, если честно, ничего из него не читал, но, по словам Цапкина, это был наилучший кандидат. Несмотря на гордое имя «дом-музей», само здание и прилегающая к нему территория представляли из себя жалкое зрелище. Хранителем в нём служил какой-то забулдыга, дом два раза горел, но был потушен местными жителями и их же силами отремонтирован. Вот здесь Андрей Михайлович Цапкин мобилизовал весь доступный ему ресурс и не только сначала объявил, а потом и доказал своё прямое родство с писателем, но и добился признания этого теперь уже факта в нужных инстанциях. Цапкин пошёл ещё дальше и, чтобы уж никаких сомнений ни у кого не осталось, издал книгу. На самом деле над книгой трудилось сразу несколько авторов, которые сначала было отказались участвовать в фальсификации, но после предложенного гонорара так рьяно взялись за работу, что книга вышла действительно неплохая. Кто-то из живых классиков разразился хвалебной рецензией, даже где-то в новостях проскочило имя нашего Цапкина. Кто-то в критической статье будто невзначай обронил – «ранний Достоевский», другой известный литературный критик вступил с тем критиком в перепалку, разглядев в произведении Цапкина Гоголя, но не Достоевского. И понеслось, заполыхало! Утихло, только когда уже совсем неосторожный критик сказал, что Цапкин превзошёл Бул-

гакова, и, видимо, задел такие материи, что бушующий пожар, возгоревшийся от сияния новой звезды, затих сам собой. Но этого было достаточно. И вот Андрей Михайлович Цапкин – продолжатель великих традиций русской литературы, мастер словесности и скрытых смыслов, прямой потомок писателя, чей дом-музей на улице А. в городе М., – становится по праву не только хранителем дома-музея, но и владельцем как дома, так и земли под ним.

В руках Андрея Михайловича дом действительно преобразился: отремонтирован так, чтобы не была утрачена аутентичность, и в дом-музей даже наладился некоторый поток посетителей, но ненадолго. Скоро Цапкин закрыл достопримечательность для свободного посещения в целях сохранности исторической, а теперь и духовной ценности, хранителем коей он являлся, и всё для будущих поколений, конечно. А вы что подумали?

Впрочем, Андрей Михайлович Цапкин не стал довольствоваться только ветхим интерьером дома-музея: под фундаментом был вырыт котлован, в котором спокойно помещилось бы трёхэтажное здание. Собственно, оно и было там возведено, а если быть точным – утоплено. Шикарные апартаменты на тысячу квадратных метров со спортивным залом, сауной, бильярдной и многочисленными кабинетами, туалетами, кухнями и спальнями. Обносить глухим забором территорию дома-музея Цапкин не стал, наоборот, сделал

всё, чтобы участок хорошо был виден.

Как только Цапкин добился всего, чего хотел, он тут же за-сучал. Отсюда его странное поведение в магазине, и отсюда чугунная обшарпанная ванна во дворе дома-музея и длин-ный мангал, какие ставят в парках на городских праздниках, чтобы не оставить голодными празднующихся. Цапкин любил набрать из садового шланга воду в ванну, залечь в неё и смотреть на проезжающие мимо дорогие автомобили с ди-пломатическими номерами, что следовали в посольство од-ной из ближневосточных стран, располагавшееся по сосед-ству. Цапкин не без наслаждения наблюдал за удивлёнными взглядами прохожих, не понимающих, что же тут происхо-дит. Почему в самом центре города М. на улице А. образо-валось такое непотребство. Откуда здесь деревянный дом, пусть с изысканной резьбой по наличникам, пусть дышащий стариной, но вот этот мужчина голый в ванной во дворе, он вообще кто? Ещё Цапкин любил разжечь мангал, дожидаться угля и поставить жариться на шампурах с десятков килограм-мов дорогой мраморной американской, а то и японской говядины вагю, от которой на всю округу разносился оглу-шительный запах мяса, шкворчащего на углях.

Кстати, если уж запах мяса от Цапкина начинает прони-кать во все переулки, закоулки и тупики, значит, сегодня у Андрея Михайловича гости. Как же я любил вечера у него. Когда город вспыхивает огнями, когда глазницы окон светят-ся нежным домашним светом, ещё и душистая зелень на де-

ревьях, дурманящий аромат самой середины лета, и Цапкин в ванне во дворе дома-музея, что твой Архимед. Было в этом что-то величественное, что уже не казалось капризом избалованного деньгами и влиянием немолодого мужчины. Чувствовалась натуральная философия, и любой бы мог найти в таком действе скрытый смысл или посыл. Что, собственно, один раз и случилось. Какой-то модный фотограф сделал несколько снимков Цапкина в окружении гостей во дворе дома-музея, среди которых пресса рассмотрела известных личностей и не только в масштабах города М. Там была популярная певица, принципиально не дающая интервью и, по слухам, предпочитающая в качестве половых партнёров женщин, одной из которых является известная актриса. Там же засветился известный писатель, в существовании которого вообще до тех пор сомневались и считали его литературным проектом. Говаривали, что писатель выглядел именно так, как на редких фотографиях, разбросанных по сети: короткая стрижка, тёмные очки, несмотря на то, что дело происходило вечером. Те фотографии Цапкина вызвали живейшее обсуждение в интернете, многие задавались вопросом, кто же такой этот Цапкин на самом деле. Не найдя разумного объяснения, сошлись на том, что всё это последствия литературного таланта Андрея Михайловича, кто-то даже обронил: «гений».

Сам я никогда не напрашивался в гости к Цапкину, пока

не произошло событие, в корне изменившее моё поведение. Я не только стал с нетерпением ждать приглашения в гости от Андрея Михайловича, но и, не скрою, искал возможности попасться ему на глаза. И всё после того, как к нему приехала и временно остановилась пожить Марианна Думкина. По паспорту ее звали Мариной, но она представлялась исключительно Марианной. Думкиной к тому времени было тридцать лет – возраст, когда женщина поистине прекрасна: с неё уже сошли наросты девичьей простоты и короста завышенных ожиданий от жизни. А внешность стала такой, какой, возможно, будет до самой смерти с небольшими поправками на старость, но вряд ли уже произойдёт в организме катаклизм, способный изменить её до неузнаваемости, как бывает с женщинами в промежутке между двадцатью и тридцатью годами. Цапкин говорил, что Думкиной он приходится отчимом. Оказалось, что была в биографии Андрея Михайловича и женитьба. Он рассказывал, что с ним случилась та самая настоящая любовь, определение которой никто не может дать, но все её жаждут, ищут и надеются на неё как на спасение; любовь, что сродни чуть ли не просветлению. По словам Андрея Михайловича, никакого просветления там нет, есть только невыносимое ощущение, что так продолжаться вечно не может, и оттого жизнь становится мучительной, что невозможно сохранить что-то по-настоящему важное, дарующее счастье. Такая любовь обычно сгорает в огне ревности, такая любовь превращает людей в безумцев и почти никогда

не делает их по-настоящему счастливыми.

Цапкин считал, что ему повезло: большое, яркое чувство и не растрчено из-за непостоянства, присущего человеческой природе, не омрачено сомнениями и не испорчено временем, но расплатиться за это пришлось горем и слезами. Супруга Андрея Михайловича Татьяна Думкина погибла в автокатастрофе через два года после свадьбы. Фамилию Цапкина она так и не взяла, объясняя это тем, что смена фамилии – это смена судьбы, а на такой шаг она не готова. Цапкин, бывало, говорил мне, что вот взяла бы фамилию Андрея Михайловича и была бы жива сейчас. Марианна Думкина – дочь Татьяны Думкиной от первого брака. Когда погибла мать, Думкиной-младшей было шесть лет. Девочку забрала к себе жить в город С. на берегу моря бабушка, которая почему-то сомневалась в том, что Цапкин Андрей Михайлович может быть достойным отчимом, даже несмотря на то, что Цапкин безгранично любил девочку, словно родную дочь. И ещё сильнее стал любить после гибели жены, считая, что его Татьяна продолжает жить в Марианне. С тех пор Цапкин так и не женился, отдавая теперь предпочтение женщинам лёгким, не обязывающим и ценящим не столько Андрея Михайловича, сколько возможности, что он им предоставлял за время, проведённое с ним.

Конечно, Марианну Цапкин всячески баловал и не позволял забыть себя. Бабушка спустя несколько лет после гибели дочери полюбила Цапкина, убедившись в его серьёзности

по отношению к Марианне. Думкина-младшая никогда ни в чём не нуждалась, но помимо финансовой помощи Цапкин принимал немалое участие и в воспитании Марианны, а та в свою очередь искренне любила Андрея Михайловича и называла отцом. Куда делся биологический отец Марианны Думкиной, история умалчивает.

В шестнадцать лет с Марианной приключилась жуткая история, вылившаяся в продолжительную болезнь. Её похитил, держал в подвале своего дома и две недели насиловал в особо извращённой форме недавно освободившийся из тюрьмы за подобное же выродок. Несмотря на то что насильник был схвачен, судим и получил срок, несмотря на то что заботами Андрея Михайловича перспективы отсидеть и выйти у него не было, несмотря на то что урода позже обнаружили повешенным с забитой в анус бутылкой из-под водки – всё это не вывело Марианну Думкину из глубочайшей клинической депрессии. Да и могло ли? Не всегда даже самая страшная месть приносит человеку покой, иногда месть должна остаться несовершенной, чтобы придавать смысл дальнейшей жизни. И тут на помощь Марианне пришла бабушка Анастасия Геннадьевна.

Во времена Советского Союза Анастасия Геннадьевна, имея докторскую степень по медицине и биологии, трудилась на благо родины в спецотделе КГБ, занимающемся синтезом и изучением психотропных веществ. Она была ответственна за демитилтриптозин и для более плотного изуче-

ния вопроса была командирована в Перу, где в традициях местных народов демитилтриптозин, или – упрощённо – ДМЗ, употреблялся в шаманских ритуалах как напиток аяуаска – отвар из лианы, с добавлением листьев растения чакруна, – который сами шаманы называли «лоза духов». Получающийся напиток содержал настолько убойную дозу демитилтриптозина, что шаманы не только общались с духами, но и постигали истинные смыслы человеческого существования и причины возникновения вселенной.

Проведя в Перу несколько лет и вернувшись обратно, Анастасия Геннадьевна Думкина синтезировала ДМЗ из обычной мимозы. Из той самой пресловутой мимозы, что все мы видим ранней весной в руках уличных торговцев и мужчин в ботинках с квадратными мысами, в мятых брюках с лоснящейся мотнёй, в бесформенных куртках и, как правило, в кепках. Мужчины спешат домой, сжимая в кулаке несчастные цветы, и не подозревают, что кто-то где-то из этого неказистого букета может извлечь вещество, которое могло бы изменить всю жизнь этих мужчин, этих добрых, бесконечно любящих мужчин, и всю жизнь их уставших женщин с грустными, но прекрасными глазами.

То, что происходило дальше, больше похоже на байку, чем на реальную историю, но я рассказываю только то, что слышал сам, а поведал об этом мне Андрей Михайлович Цапкин и не доверять ему у меня нет основания.

После возвращения из Перу Анастасия Геннадьевна уво-

лилась из органов и вернулась из города М. в город С, где родилась. Цапкин рассказывал, что Анастасия Геннадьевна устроила в подвале своего дома лабораторию по синтезу демитилтриптозина. Зачем ей это было нужно – неясно: она не пыталась заработать денег на продаже, наверное, всё было организовано для личного потребления.

Когда с Марианной Думкиной случилась беда и врачи никак не могли вывести её из депрессии, после того как она несколько раз пыталась уйти из жизни, но все попытки оказались неудачными, она замолчала и не произнесла ни одного слова за три года. Марианна не выходила из дома, при виде незнакомых людей впадала в истерику, и Цапкин уже собирался класть её в психиатрическую больницу, но Анастасия Геннадьевна начала давать ей ДМЗ. Я не знаю эффекта от приёма этого вещества, никогда не пробовал, не собираюсь и вам не советую, но с Думкиной-младшей произошли совершенно чудесные изменения. Уже после третьего приёма она стала выходить и подолгу гулять по городу. После четвёртого – заговорила, а после пятого – окончательно поправилась. Да не просто поправилась, а стала совершенно другим человеком. Сначала Марианна ударилась в йогу, затем в практики холотропного дыхания. Спустя год Марианна уехала в Индию, и до Андрея Михайловича частенько доходили слухи о некой русской девушке в штате Гоа в Индии, к которой, словно к истинному гуру, многие мечтают попасть. Марианна Думкина даже внешне изменилась. Из бледной, худой, бо-

лезненной девушки получилась сильная, напитанная знанием и каким-то лучащимся из неё здоровьем женщина.

После Индии Марианна Думкина переехала в город М., где открыла школу йоги, ретритный центр и организовала в нём несколько групп, в которых обучала холотропному дыханию. Через год умерла Анастасия Геннадьевна. Цапкин боялся, что Думкина снова впадёт в депрессию, но Марианна на удивление легко пережила смерть бабушки.

Когда я в первый раз познакомился с Марианной, не скрою, я был поражён её красотой и энергией, которой было пропитано каждое её движение, каждое слово. Я был заморожен её улыбкой, да что там, я был влюблён, но это была настолько странная для меня любовь, что иногда я сомневался, что слово «любовь» уместно в этом случае. Любовь – это, прежде всего, жажда обладания, если мы не говорим о любви матери к ребёнку, так вот, я не хотел ею обладать, более того, боялся вообще чего-либо, что могло бы нас связать, и уж тем более не хотел бы жить с ней. Это была простая, но необъяснимая любовь к существующему в этом мире человеку, независимо от того, рядом он или нет.

Конечно, я искал встречи с ней и ждал, когда она навестит Цапкина, но зачастую, когда её визиты откладывались, даже радовался. Радовался, что она снова – всего лишь образ, который можно и нужно любить на расстоянии. «Держи дистанцию, – говорил я себе в такие моменты, – это правильно». И вот Марианна Думкина снова остановилась у Андрея

Михайловича Цапкина.

В тот вечер Цапкин традиционно запалил мангал. Количество мяса, приготовленного для шашлыка, намекало, что гостей будет много. Цапкин наполнил ванну во дворе тёплой водой, улёгся в неё в семейных трусах, усыпанных жёлтыми смайлами, и время от времени просил меня подкидывать под ванну угли из мангала. Марианна Думкина сидела неподалёку под яблоней в позе лотоса, заткнув уши наушниками.

Кроме меня, Думкиной и Цапкина во дворе было ещё двое мужчин. Что-то мне подсказывало, что военных. Наверное, то, что, несмотря на тёплую погоду и неформальную обстановку, оба были в костюмах. Не при галстуках, конечно, и под пиджаками футболки, а не рубашки, но тем не менее. Тот, что постарше – лет шестидесяти, судя по выбеленной сединой голове, – держался с достоинством, каким отличаются мужчины, всю жизнь посвятившие военной службе. Насаживая мясо на шампур, он короткими рублеными фразами отдавал команды второму, который явно был младше, как возрастом, так и званием. «Налей водочки. Так, и мне. Лук, лук из маринада подцепи. Нормальное колечко возьми, потвёрже. Всё учить надо. Пей. Закусывай. Так. Мне налей. Вилку, лук. Так, давай». Я решил, что старший минимум в звании генерала. Мне показалось занятным, что водку военный наливал генералу из фляжечки с двуглавым орлом, которую аккуратно доставал из внутреннего кармана пиджака и так же аккуратно убирал обратно. Видно было, что фляжка

явно куплена не в военторге и, похоже, искусно выполнена из серебра, ну а орёл, как полагается, – золотой.

Когда дрова в мангале прогорели, господа военные поставили мясо жариться, Думкина закончила медитацию, или чем она там под яблоней занималась, и принесла из дома несколько бутылок вина. Солнце скрылось за горизонт, но ещё подсвечивало самую его кромку у земли. Это был один из прекрасных летних вечеров в городе М., когда никуда не хочется спешить, когда хочется, чтобы он подольше не заканчивался, когда время словно остановилось, а скорее – вообще никогда не существовало.

– Кстати, – начал Цапкин, обращаясь ко мне, – а господа офицеры про твою честь, стало быть.

У Андрея Михайловича была странная особенность речи – при любом удобном случае говорить «стало быть».

– Хорошо, – сказал я, с удовольствием отметив про себя свою догадливость по поводу рода деятельности гостей Цапкина. – Чем могу быть полезен?

– Стандартное предложение для начала, ну, ты понимаешь.

– Понимаю.

– Стало быть, договорились, – Цапкин откупорил бутылку вина и отхлебнул из горла, не вылезая из ванной.

Тот, про кого я думал, что он генерал, смотрел на меня неодобрительно. Я подумал, что это из-за сомнительности услуг, которые я предлагаю. Тем страннее мне казалось то,

что он решил за ними ко мне обратиться.

– А чем вызван интерес, если не секрет? – спросил я так, чтобы вопрос казался заданным сразу всем.

– Скучно, – ответил генерал и повертел шампуры с мясом над углями. – Хочется какого-то развлечения.

– Разве сейчас в армии может быть скучно? – вмешалась в разговор Думкина и стала греть руки над мангалом, хотя вечер был чрезвычайно тёплым.

– Скучно не всегда оттого, что ничего не происходит, иногда становится скучно от однообразия происходящего, да, Дим? – генерал словно проигнорировал Думкину, превратив ответ на вопрос в обращение к своему сослуживцу, и, не дав тому ответить, продолжил: – Вот Дмитрий у нас боевой лётчик, например, недавно вернулся из Сирии. Спросите, не скучно ли ему там было?

– И как там, Дмитрий? – спросила Думкина.

– Скучно. Подъем, завтрак, полетели. Или не полетели. Тогда вообще скучно.

– Вы так запросто об этом говорите. – Мне показалось, что Думкина сердится.

– А как об этом говорить? – вмешался генерал.

– Я не знаю, как об этом должен говорить человек, который каждый день сбрасывает бомбы на живых людей, но, мне кажется, не вот так вот.

– А как? С придыханием?

– То есть вы нормально себя чувствуете, убивая людей? –

Марианна явно набирала обороты.

– Да люди ли это? – Генерал немного успокоился и вернулся к переворачиванию шашлыка.

Цапкин с живым интересом наблюдал за происходящим, не вылезая из ванной и время от времени прикладываясь к бутылке.

– Все люди, – Думкина сказала это тихо, и мне показалось, что она загрустила.

– Это долг, моя дорогая, да, Дим? – ответил генерал.

– Да, долг и приказ, – согласился тот. – А люди или нет, я не знаю, наверное, люди, раз у них руки и ноги есть. Но я людей не вижу. Максимум – разбегающиеся в разные стороны силуэты. А зачастую так и никаких силуэтов. Я могу даже не знать, что там люди. Есть только координаты цели. А над облаками всё, что под ними, почему-то кажется несущественным.

– Вы патриот, Дмитрий, да? Слова-то какие: долг, приказ.

– И облака, Марианна, ещё облака. Разве можно быть военным служащим и не быть патриотом? – спросил Дмитрий.

– Ну что, как там мясо? Готово, стало быть? – перебил Цапкин, выбираясь из ванной. – Тогда я за более подходящим напитком, – сказал он и ушёл в дом.

Через пару минут Андрей Михайлович вернулся с двумя бутылками водки «Белуга» и подносом со стопками. Бутылки и стопки, хранившиеся, видимо, в морозилке, тут же покрылись инеем. Мясо источало такой аромат, что я сглотнул

слюну в предвкушении.

Под водку и шашлык Думкина продолжила спорить с военными. Я бы не сказал, что в этом споре были негативные нотки, но явно господа офицеры и Марианна Думкина оказались по разные стороны баррикад. Я перестал вникать в суть разговора, полагая, что темы патриотизма, религии и политики самые неблагоприятные: в них невозможно достичь единства, здесь нельзя ни о чём договориться, можно только остановиться и прекратить разговор. А Думкиной, как мне показалось, этот разговор доставляет удовольствие. Отдадим должное господам офицерам, особо они не напирали, но и не сказать, что в речах их было снисхождение, скорее искреннее уважение. Я любовался Марианной, ухватывая только обрывки фраз, – Думкина занимала всё мое сознание. Я, если честно, несколько раз представил такое, что самому стало стыдно. Скажу только, что в фантазии этой присутствовали мы с Марианной под той яблоней, где немного раньше она сидела.

Когда мясо было съедено, водка допита и пришло время расходиться, Цапкин взял меня под локоть и отвёл в сторонку:

– Организуешь моим друзьям, стало быть? – спросил он.

– Конечно, без проблем, – ответил я.

– Только пусть всё будет в лучшем виде, как для себя прошу.

Мне показалось странным такое уточнение от Андрея

Михайловича, раньше он никогда не сомневался в качестве моих услуг. Я ещё раз сказал, что всё будет хорошо, и уже собирался уходить, когда к нам подошла Марианна. Цапкин вернулся к военным, оставив нас вдвоём. Когда Цапкин ушёл, Думкина немного растерялась, словно не понимая, зачем она подошла и что делать сейчас, когда Цапкин оставил нас наедине.

Между нами возникла та неловкая пауза, что бывает между мужчиной и женщиной, когда оба понимают, о чём пауза, но не понимают, зачем она и чем её заполнить. Я в этот момент подумал, что такие паузы можно заполнить только самим собой. Наверное, желание заполнить хоть чем-то любую продолжительную паузу от того, что не хочется проваливаться в самого себя слишком глубоко. Особенно, когда рядом стоит кто-то ещё, кто так же пытается не провалиться в себя и повиснуть в пустоте. И становится страшно от этой пустоты, мучительно и горько, но в то же время и сладко, потому что длится она всего лишь мгновение. Кто-то обязательно улыбнётся, моргнёт, кашляет и наполнит пустоту движениями и мыслями. Пустота исчезнет, но останется странное ощущение, что оба всё поняли. А на самом деле поняли? В общем, в таких случаях кто-нибудь обязательно ляпнет глупость.

– Хороший был вечер, правда? – спросила меня Марианна.

– Да, вечер замечательный, – согласился я.

Глава вторая

Тем утром меня разбудил телефон, звонил Андрей Михайлович Цапкин. На самом деле именно с этого момента и начинается история, которую я хочу рассказать.

Звонок оказался столь ранним, что я невольно насторожился, прежде чем взять трубку. Никогда Цапкин не проявлял подобного нетерпения, более того, он вроде бы вообще первый раз вот так, напрямую звонил мне. Обычно Андрей Михайлович ограничивался текстовыми сообщениями и реже – сообщениями голосовыми. А тут звонок. Взяв трубку, я опешил от напора Цапкина. Он почти кричал: «Ты в своём уме, друг мой? Это вообще что такое, стало быть, а?» Спросонья я не мог сообразить, что произошло, и пытался успокоить Цапкина хоть немного, стараясь одновременно разобраться в происходящем. «Мигом ко мне, слышишь, пулей сюда и советую припасти разумные объяснения», – Цапкин бросил трубку.

Я не мог взять в толк, о чём он, но быстро собрался, не позавтракав и не выпив утренний кофе. Ссориться с Андреем Михайловичем мне совсем не хотелось, поэтому, не скрою, я чуть ли не побежал к нему.

Когда я пришёл, Цапкин нарезал круги по двору, сцепив руки в замок за спиной.

– Пришёл, наконец-то! – воскликнул Андрей Михайло-

вич, увидев меня.

– Что случилось? – спросил я, искренне недоумеваю.

– Ты чего учудил? Ты зачем живого человека в гроб положил? Да, я просил удивить наших офицеров, но чтобы вот так?! – Цапкин почти кричал.

– Андрей Михайлович, давайте спокойней, какой ещё живой человек? Вы с ума сошли? – Я изо всех сил пытался понять, о чём он говорит.

– Такого! Живого, стало быть! Приезжают они на место, всё чин чином, место понравилось, искали долго, антураж, все дела, начинают копать – откапывают гроб. Сбивают крышку, оттуда запах мерзотный, всё как полагается, смотрят, а в гробу парень молодой, да ещё и голый! Слава богу, живой оказался! Ты не в себе, стало быть, если такое устроил? У генерала чуть инфаркт не приключился!

Я не мог понять, о чём он говорит. Какой ещё голый парень?

– Андрей Михайлович, давайте по порядку. Вспомните, я же вам отправлял фотографию того, что в гробу будет. Помните? Вы ещё просили больше достоверности. Так я по вашей просьбе ходил в магазин, закупился, набросал в гроб мяса и требухи всякой, туда даже полведра опарыша заправил, видели? – Цапкин будто немного задумался и успокоился.

– Тем более гроб, до того, как ваши друзья до него добрались, неделю под землёй на двухметровой глубине находил-

ся: какой молодой человек? Да ещё и живой. Даже если бы я туда действительно кого-то запихнул, оказался бы он живой через неделю? Там были какие-то приспособления в гробу для дыхания? Может, вентиляция какая? Баллон с кислородом?! – Я не заметил, что от волнения уже кричу на Цапкина.

– Так, так, да, успокойся. – Цапкин под моим напором начал приходить в себя и, видимо, понял, что тут что-то не сходится. – Тогда откуда он взялся? – Андрей Михайлович посмотрел на меня с каким-то совсем уж детским недоумением в глазах.

– Я то же самое у вас могу спросить, – ответил я.

С минуту мы молча смотрели друг на друга, пытаюсь осмыслить происходящее.

– Ладно, тебе верю, но тогда я вообще ничего не понимаю. Пошли в дом, сам всё увидишь, стало быть, – прервал молчание Цапкин.

Мы вошли в дом-музей и спустились в подвал. Мы прошли на кухню, где за столом, укутавшись в тёплый плед, сидел парень. Перед ним стояла большая кружка с молоком, напротив – через стол, поставив локти на стол и уперев подбородок в кулаки, сидела Думкина.

Меня поразило бледное лицо парня, даже не бледное, а словно выбеленное известью, белое, как сода, но что ещё поразительнее – такие же белые волосы. Не седые, а именно белые. Если бы не отдельно торчащие волоски, можно было подумать, и волос нет, так они сливались с цветом лица. Такие

же белые брови и ресницы. Тёмно-зелёные глаза смотрелись на фоне сплошной белизны совсем уж дьявольски, во мне даже шевельнулся на мгновение страх, как, наверное, бывает, когда смотришь в глаза дикому зверю, рыси какой-нибудь или волку. Тонкие губы – бледно-розовые, тоже, можно сказать, бесцветные. Казалось, это не лицо, а набросок лица, который художник не удосужился закончить до конца, словно не лицо, а шаблон, заготовка человека, на которой можно ещё бесконечно творить, рисовать, лепить и снова стирать, комкать и опять заново. Какие угодно черты легли бы на это лицо под умелой рукой мастера, пускай даже женские.

Парень сидел, молча уставившись на кружку молока, но взгляд его при этом казался расфокусированным. Я предположил, что ему лет двадцать, хотя благодаря своей необычной внешности он был словно вне какого-либо возраста.

– Три часа вот так сидит, не шелохнётся, – сказала Думкина, не отрывая взгляда от парня.

– Молчит? – спросил я.

– Молчит, пугается, если к нему подойти и мычит что-то похожее на «отойди», – сказал Цапкин и подошёл к парню, чтобы продемонстрировать. Тот вздрогнул, посмотрел на Цапкина и замычал: «Ото... отто... от...ото».

– Вот, – Цапкин будто был доволен результатом.

– И, кажется, он абсолютно не понимает, что мы говорим. – Марианна встала из-за стола и вышла с кухни.

Я услышал, как она поднимается по лестнице наверх. Цап-

кин отошёл от парня, и тот сразу успокоился, снова уставившись на кружку с молоком тем же расфокусированным взглядом. Я поднялся вслед за Марианной, поражённый увиденным, вскоре к нам присоединился Цапкин.

– Не бойтесь его одного оставлять? – спросил я у Андрея Михайловича. На что он как-то неопределённо пожал плечами, словно сам ещё не знает, как правильно нужно относиться ко всей этой ситуации.

– Кажется, надо выпить. – Цапкин вопросительно посмотрел на нас с Марианной. Мы одобрительно кивнули. Я подумал, что пить до обеда то ещё удовольствие, но решил, что сегодня исключительный случай.

Андрей Михайлович ушёл в дом и вернулся с бутылкой вина, забыв бокалы и штопор. Пробку пришлось протолкнуть внутрь, и вместо того, чтобы всё-таки сходить за посудой, стали пить из горла, передавая бутылку друг другу.

– Ты, значит, ни при чём, стало быть? – начал Цапкин, обратившись ко мне.

– Андрей Михайлович! – Я начал уже раздражаться от его подозрений.

– Ладно, тогда давайте попытаемся понять, что происходит?

– Получается, он каким-то образом попал в лес, почему-то оказался голым, откопал пресловутый гроб, сам себя в нём заколотил и потом ещё сам себя закопал, находясь при этом в гробу. Будучи, по всей видимости, в беспамятстве до

кучи, – приговорила всех нас разом Марианна.

– Бред какой-то, – сказал Цапкин.

– Полный бред, – согласился я, но, немного подумав, продолжил: – А может, это господа офицеры подшутить решили? Я не знаю, как объяснить, что парень ничего не помнит, но предположу, что ваши друзья, Андрей Михайлович, за чем-то сочинили всю эту историю про то, что нашли его в гробу, а на самом деле по какой-то причине воспользовались случаем и представили дело в таком виде, чтобы избавиться от нашего найдёныша.

– Клянутся, что всё не так, – Цапкин задумался на мгновение, – но это самая разумная версия, стало быть.

– И что будем делать? – спросил я почему-то у Марианны.

– Пап, – обратилась она к Цапкину, – пусть у нас останется, посмотрим, что будет. Мне, например, до жути интересно. Может, он вспомнит что?

Мне показалось, что Цапкин тоже хочет оставить парня у себя. Много позже, когда всё закрутилось и завертелось, я нередко думал, пытаюсь понять, зачем Цапкину это было нужно, и пришёл к выводу, что ему было просто скучно, и произошедшее он воспринимал как приключение. Да, иногда мне приходило в голову, что Цапкин сам всё устроил – сговорился со своими друзьями-военными выставить всё так, будто это они нашли Отто. Но тогда зачем он набросился на меня с обвинениями в том, что это я поместил парня в гроб? А он был очень убедителен в своём негодовании и

непонимании происходящего. Да и дальнейшие события говорили о том, что Цапкин, в сущности, ни при чём.

– В общем, Отто пока останется у меня. Посмотрим, что из этого получится, – сказал тогда Цапкин. Да, такое имя дал ему Андрей Михайлович из-за непонятого мычания. «Ото...то...тоото», – которое Цапкин принял за «отойди» или «отойдите».

– Отто? – спросила Марианна.

– Надо же его как-то называть, – разумно объяснил Цапкин. – Не Васей же или ещё каким Сашей, ты его видела?

Мы с Думкиной засмеялись.

– Немец какой-то получается – Отто, – сказал я.

– А что, немец и есть, стало быть. – Цапкин одним глотком допил вино и кинул бутылку в мангал.

Дальше произошло такое, что все мы разом онемели, абсолютно не понимая происходящего.

– Русский я, – услышали мы со стороны дома.

Как по команде мы повернули головы и увидели, что Отто стоит на крыльце, теперь уже без плета, совершенно голый.

– Русский я, – повторил он, словно мы пытались отрицать сказанное.

Цапкин мигом побагровел:

– Так ты говорить умеешь.

– Ото...отто...от, – замычал Отто.

– Удивительно, – сказала Думкина.

– Да уж, – согласился я и только тут заметил, что произ-

несла это Марианна, разглядывая Отто ниже пояса.

Конечно, мы кинулись пытаться Отто. Все уверились в том, что он либо обрёл память, либо искусно дурил нас всё это время. Но Отто больше не сказал ни слова. И был так убедителен в своём молчании, что мы списали случившееся на сумбурность всего происходящего в принципе. Только Думкина предположила очевидное: «Что-то с нашим Отто не так, что-то с ним точно не так».

Отто производил странное впечатление. Можно, конечно, задаться вопросом: «А какое ещё он должен производить впечатление, учитывая всю историю?» – и я, пожалуй, соглашусь с его правомерностью, но дополню, что рассказываю всё это, опираясь не столько на привычное положение вещей, сколько на данность, в которой все мы находились в то время. И странность его я подразумеваю, прежде всего сравнивая с тем его состоянием, когда Отто был обнаружен. Мы – и Думкина, и я, и Цапкин – решили, что у Отто амнезия. Могли бы мы тогда поверить в какое-то его чудесное появление? Мы всеми силами пытались думать, что ничего особенного в нём нет, и всё происходящее хотели объяснить рационально. Мы не понимали, что на наших глазах прямо сейчас происходит нечто удивительное, такое, что изменит наши жизни и, может статься, не только наши.

Так вот, Отто казался странным потому, что несмотря на его беспомощность, он не оставлял впечатление глупого или неразумного человека, скорее казалось, будто это мы что-то

не понимаем, что на самом деле так и было. Даже этот его расфокусированный взгляд, как я теперь понимаю, не потому, что он не может сосредоточиться на том, что видит, а от того, что взирает на окружающую действительность без точки опоры. Без точки той опоры, без которой и я, и Цапкин, и Думкина не смогли бы обойтись никогда. Представьте наши лица после слов Отто: «Я русский». Представьте ещё, как всё происходящее выглядело в натуре. Голый парень на крыльце дома-музея в самом центре города М. на улице А. такое говорит, что в современном мире могут принять за экстремизм. Я подумал, что лучше бы он сказал: «Я – россиянин», – но в этих его словах таилась такая гордость и вера в сказанное, что стало как-то не по себе. Мне, по крайней мере. Но Цапкин умудрился разрядить обстановку, сказав только: «Русский, стало быть. Сочувствую», – и решительно направился в дом, на крыльце схватив Отто за руку и всем видом показывая, что дальнейшее обсуждение бессмысленно.

С тех пор я стал частым гостем в доме Цапкина. Если быть ещё точнее, я каждый день с утра, как на работу, шёл к Андрею Михайловичу, радуясь не только тому, что появилась какая-то цель, но и тому, что Марианна теперь каждый день оказывалась в поле моего зрения. А зрение моё иногда вместо того, чтобы фиксировать реальность, частенько обращалось за картинкой к фантазиям. Если бы Думкина о них узнала, то вряд ли бы продолжила общение со мной. Эта её поза лотоса под яблоней превратилась в моей голове в абсо-

лютно развратную картину, но и винить себя в этом я не мог. Сложно винить себя хоть в чём-то, когда видишь женщину с широко раздвинутыми в коленях ногами, даже если ситуация не располагает.

Отто с каждым днём эволюционировал. Другого слова и не подобрать. Скачок произошёл, по словам Цапкина, когда Отто пристрастился к телевизору. В укор Цапкину скажу, что смотрел Отто в основном то, что любил смотреть Андрей Михайлович. А питал Цапкин слабость к двум центральным каналам: первому и второму, что странно, учитывая, что никогда Цапкин не производил впечатление глупого человека.

Второй канал сейчас, как вы сами знаете, словно жуткий метастаз раковой опухоли, захватил и другие частоты и превратился в единое – канал «Россия». И Отто, наш удивительный Отто, многие часы проводил за просмотром бесконечных политических телешоу. Этим фактом для себя объяснял я позже заявление Отто по поводу его национальной принадлежности.

Но настоящие изменения в развитии Отто случились, когда во двор дома-музея упал мяч с баскетбольной дворовой площадки. Отто поднял мяч с земли, повертел в руках и вопросительно посмотрел на нас. На нас – это на бессменную нашу компанию: я, Цапкин, Думкина. Мы одобрительно промолчали, а я снял кроссовки и предложил их Отто. К счастью, они оказались ему впору. Цапкин снял с себя футболку и отдал ему. В шортах Отто не нуждался, на нём были

такие же, как у Цапкина, трусы в жёлтых смайликах. Отто отправился на баскетбольную площадку, и, конечно же, мы все с интересом последовали за ним. Думкина даже подпрыгивала в нетерпении, словно предвкушая необычность будущей сцены.

Отто вышел на площадку и, несмотря на то, что на поле уже были люди, отсчитывающие классические «тридцать три» в одно кольцо, не целясь, отправил мяч в корзину, проведя его в высшей точке отрыва академической в баскетболе расслабленной кистью. Мяч, достигнув пика траектории, скользнул вниз, едва колыхнув сетку под кольцом, и все услышали характерное – шурш. Это был вызов! «Я один, вы все», – сказал Отто и повторил бросок – шурш! Удивительным было не столько его точнейшее попадание, сколько отскок мяча. Отто бил именно так, что мяч, пролетая сквозь кольцо, ударялся о поле, затем о борт, об землю и следующим рикошетом ему в руки. Это можно было бы назвать случайностью, но он повторил трюк ещё раз, и молодые люди, бывшие «тридцать три», приняли вызов.

Я не большой любитель спорта, если честно, но такое удовольствие от баскетбола испытывал только однажды, когда в девяностые годы прошлого века транслировали NBA, кажется, по второму каналу с комментариями Гомельского. Как же я тогда был поражён. Я не догадывался, что смотрю игры великой команды Chicago Bulls в том составе, который навсегда войдёт в историю баскетбола. На площадке блистал

Майкл Джордан, но мог ли когда-нибудь после этого я подумать, что живьём увижу такие трюки, что талант «летающего Майка» померкнет перед ними. И это был Отто. То, что он творил, не поддаётся описанию. Игра закончилась, практически не начавшись. Уже через пару минут все участники импровизированного матча просто стояли открыв рты. Отто, словно забыв, что здесь есть ещё кто-то, выдавал броски, проходы, бил сверху, бросал с закрытыми глазами, летал, оттолкнувшись от штрафной линии, до самого кольца. Конечно, мы были поражены, учитывая, что несколько дней назад этот парень и слова разумного сказать не мог. Скоро Отто устал, но было видно, что не физически, ему просто стало неинтересно. Он повертел в руках мяч и аккуратно катнул его в аут.

Отто вышел с площадки и пошёл в сторону дома. Мы поспешили за ним. Он спустился в подвал, прошёл на кухню, достал из холодильника пакет молока и налил полную чашку. Сделав несколько глотков, он поставил чашку на стол и стал смотреть на неё привычным уже для нас расфокусированным взглядом, словно пропитывался приобретённым только что опытом. Мы решили не стоять у него над душой и расположились в соседней комнате.

– Отто за несколько дней с помощью одного только телевизора научился говорить по-русски, стало быть, – начал Цапкин, – или знал его и вспомнил.

– Я прочитала про амнезию, так не бывает, – вставила Ма-

рианна. – Мне кажется, он реально и не умел говорить никогда.

– Если честно, я уже не знаю, что думать и о чём предполагать, – сказал я. – Может, оставим пока попытки разобраться и подождём? Время покажет.

– Согласен, – сказал Андрей Михайлович.

– Это что, голосование? – Думкина засмеялась, и мы вместе с ней.

Хочу сказать, что все мы были очарованы Отто. Его стремительная эволюция, его необычайная внешность, его неподдающееся объяснению появление – всё это интриговало настолько, что никому не хотелось разбираться, что и как на самом деле. Было в этом что-то детское и наивное, как бывает, когда сталкиваешься с чем-то в первый раз в жизни, но, если в детстве такое происходит чуть ли не каждый день, во взрослой жизни каждому чуду становишься благодарен и стараешься всеми силами сохранить его ощущение.

День закончился, а на вечер я решил не оставаться. Не хотелось слишком уж мозолить глаза Цапкину и Думкиной.

Я вернулся домой и много думал об Отто. Признаюсь, он немного пугал меня. Мне казалось странным, что Марианна и Андрей Михайлович испытывали восторг от его игры в баскетбол и того, что он овладел языком за несколько дней. Кстати, о баскетболе – откуда это умение? Даже не умение – гениальность. Может, он видел по телевизору игру? Да, скорее всего, так и есть, просто увидел по телевизору, но тем

удивительнее. Если он настолько легко овладевает не самыми, скажем, простыми умениями, что будет дальше? Что он будет уметь через год, через два, через десять лет? Конечно, может быть, он, как все вундеркинды, остановится в развитии на определённом этапе, как это бывает, когда ребёнок в шесть лет перемножает умопомрачительные числа в уме, и все пророчат ребёнку карьеру учёного или, более того, предрекают судьбу человека, который изменит науку, чьё имя встанет в один ряд с Ньютоном, Эйнштейном, Шрёдингером, но оказывается, что перемножение больших чисел в уме и есть его предел. И всё, чего он достигает – участие в каком-нибудь шоу талантов, где не выходит даже в финал. Но что ещё хуже, как мне кажется, не столько потолок, в который он упирается и который сам прекрасно осознаёт, а отношение окружающих. Сложно представить, что чувствует сорокалетний, теперь уже совершенно обыкновенный человек с одним лишь уникальным умением, да и то не самым полезным. Кто-то виртуозно вяжет шарфики, а кто-то прокачал все ветки развития какой-нибудь техники в компьютерной игре, а кто-то глазницей пиво открывает, а кто-то вот так перемножает в уме огромные числа, даже не понимая, как вообще работает математика. Что все они чувствуют повзрослев, если в детстве родители, разглядев талант к вязанию шарфиков, бросили все силы на то, чтобы ребёнок только эти шарфики и вязал? Чтобы гордиться: «Смотрите, какие шарфики! И это в шесть лет!»

Может быть, наш Отто окажется не таким и этот его баскетбол не конечное умение, а только одна из граней возможного таланта, и он никогда не опустится до шоу талантов. Что может быть унижительнее, чем талант, достойный лишь того, чтобы быть участником шоу? Если не считать, что сама жизнь – то ещё шоу, без меры напичканное рекламой нас же самих в профилях социальных сетей. Все мы теперь не люди, а «личный бренд», и как разглядеть среди этих «брендов» годные, сегодня совсем не простая задача. И хотя шоу уже порядком всем поднадоело, другой модели существования пока ещё не придумано, а то, что было придумано до того, как это шоу началось, благополучно сдохло из-за невозможности реализации. И будем смотреть шоу, и будем бегать на кухню, пока идёт рекламный ролик, и не заметим, как стирается наша память. Вернёмся к телевизорам или мониторам, перекурив или закусив бутербродом после рекламы, и в удивлении станем пучить глаза на кого-то нового на сцене, кто так легко перемножает в уме огромные цифры.

Почти неделю я не ходил к Цапкину, несмотря на то что звонил он каждый день и делился новыми успехами Отто.

Андрей Михайлович звал меня к себе, но я отказывался, ссылаясь на массу работы. Если честно, причина этого крылась в Думкиной. Когда Отто блистал на баскетбольной площадке, я наблюдал не столько за его трюками, сколько за реакцией Марианны. Невозможно не заметить, как меняется взгляд женщины, когда она начинает влюбляться. Нет, не

когда она уже влюблена, а когда она ещё сама не понимает, что скоро влюбится, но уже чувствует это каждой клеточкой организма. Женская любовь всегда прекрасна в начале. Всегда удивительна при рождении – в ней столько чистой энергии, что непременно хочется стать объектом такой любви. Ведь самое удивительное в любви – не чувствовать, что тебя любят, а наблюдать, как из-за этой любви меняется человек, который любит. Как правило, тот, кого любят, не меняется совсем. Но большая ошибка считать, что влюблённый в тебя человек меняется из-за тебя. Это совсем не так. Он меняется именно и только из-за самой любви. Станете ли вы спорить с утверждением, что, если вас кто-нибудь когда-нибудь любил и вы расстались, некогда влюблённый в вас человек не меняется после того, как разлюбил? С ним это остаётся навсегда. Не бывает так, чтобы человек превратился в себя прежнего до этой любви. Не бывает.

И вот я увидел тогда, как Марианна меняется прямо у меня на глазах, и, конечно, я приревновал. А что делает человек, поглощённый ревностью? Что он делает в первую очередь? Естественно, всеми силами пытается доказать себе, что и не нуждается вовсе в том, кого приревновал, а единственный доступный способ доказать это для него в такой момент – самоустраниться. Так я и поступил, наивно полагая, что поможет. И, конечно, долго я не продержался. Уже через неделю сдался и сам отправился к Цапкину. Сначала я побродил немного возле дома-музея и, когда почувствовал

запах шашлыка, когда услышал голоса и понял, что сегодня у Андрея Михайловича гости, решился и без приглашения вошёл во двор.

Глава третья

Если быть честным, я немного волновался. Всё-таки я не то чтобы друг Цапкину и уж тем более не родственник и не мог знать, насколько моё появление уместно. Но, увидев меня, Андрей Михайлович широко улыбнулся, от чего его лысина немного сморщилась и, чему я совсем удивился, обнял меня как-то совсем по-родственному.

Не только это удивило меня в тот день в Цапкине. Я настолько привык, что нормальной одежды он не носит в принципе, что вот этот строгий, явно сшитый на заказ костюм – так чётко он сидел на шарообразном теле Цапкина – белоснежная рубашка, галстук, представили Андрея Михайловича совсем в другом свете. Но, конечно, Цапкин не был бы Цапкиным, если бы и тут не пренебрёг условностями – кроссовки Adidas напоминали, что костюм, скорее всего, лишь очередная блажь.

Первое, что бросилось в глаза, – отсутствие уже привычной ванны во дворе. Вместо неё – шезлонг, выполненный из бамбука. В нем развалилась Думкина. Мне показалось, что она нарочито расслаблена. Такое ощущение всегда возникает, когда женщина не держит колени вместе. Нет, я не склонен к предрассудкам, но есть что-то в подобной женской позе необъяснимое. Она лежала в шезлонге, одетая в спортивные штаны и толстовку, капюшон которой был увенчан за-

ячьими ушами. Отто сидел на корточках рядом с шезлонгом и нанизывал на шампуры новую партию шашлыков. Солнце уже падало за горизонт, и в сумерках лицо Отто показалось мне незнакомым. Черты стали слишком уж резко очерченными, даже brutальными, что совсем не вязалось с той его ничего не выражающей внешностью, к которой я привык. Я решил, что виноваты игра теней и отблески огня мангала.

Помимо Цапкина, Отто и Думкиной здесь были ещё два человека. Оба высокого и абсолютно одинакового роста. Они зачем-то стояли возле мангала и грели руки над огнём, словно на улице мороз. Замечу, что в тот день даже на закате было градусов двадцать пять тепла. Обычно так делают люди, которым некуда себя деть, некуда деть руки, и они пытаются выглядеть максимально непринуждёнными. Они зачем-то сбиваются в стайки около мангала, если это шашлыки, и всеми силами пытаются помочь: ворочают угли, дескать, знают, как углям правильно гореть, поправляют шампуры, несмотря на то что их только что переворачивали. Задумчиво смотрят на мясо, словно осуждая кого-то за какую-то неведомую не соблюденную церемонию, будто в жарке мяса вообще может быть какая-то церемония. Такие люди легко могут сказать глупость, дескать, «мясо не терпит женских рук» или «шашлык – не женское дело».

Так вот, эти двое грели руки над мангалом. Думкина улыбнулась, встала, обнялась со мной и упала обратно в шезлонг, уткнувшись в телефон.

– Братья Фот, – представил Цапкин молодых людей.

Братья бросили греть руки и синхронно развернулись ко мне. На секунду я подумал, что трюк с синхронностью они разучили заранее. Братья крепко по очереди пожали мне руку и замерли в каком-то ожидании, попеременно глядя то на меня, то на Цапкина. По этому их взгляду стало понятно, что они просители. Да и чему тут удивляться, все, кто бывал в гостях у Андрея Михайловича, обычно что-то от него хотели. Если не денег, то какую-нибудь услугу.

Братьев звали Валентин и Кевин. Кевин – тот, что старше. Я сначала подумал, что братья – близнецы, так они были похожи, но, приглядевшись, заметил, что один из них, который Кевин – словно немного состарившаяся версия Валентина. Меня подмывало спросить, почему Кевин, откуда такое имя, но я счел это некорректным. Можно только представить, сколько раз за жизнь его спрашивали про имя и как он устал об этом говорить. Но объяснение для себя я нашёл, братья внешне были очень похожи на Маколея Калкина. Причём именно на Маколея времён фильма «Один дома». Я даже представил картинку, когда отец братьев, видимо человек, не лишённый чувства юмора, разглядел Калкина в первенце и назвал его Кевином в честь героя того легендарного фильма. Кевин Фот. В принципе, если такое имя произносить вместе с фамилией, звучит достойно. А вот Валентин Фот – в этом уже есть какая-то дисгармония. У обоих были длинные волосы, собранные на затылке в хвост и свёр-

нутые в странную загогулину. Виски выбриты, у старшего из братьев куцее подобие бородки. Оба в одинаковых тёмных джинсах, но Кевин в синей рубашке в клетку, а Валентин в зелёной и тоже в клетку. На ногах кеды. У старшего брата синие, у младшего зелёные.

Здесь мне нужно немного отвлечься от братьев и рассказать подробнее об изменениях, произошедших с Отто. Напомню, что не виделся я с Цапкиным, а значит, и с Отто, около недели, и первое, что я узнал – Отто теперь быоти-блогер в Инстаграме. Да, именно так. Помните, я рассказывал про его удивительную внешность, которая похожа на заготовку человека? Так вот, Думкина тоже обратила на это внимание и, видимо, ради развлечения научила Отто делать макияж. Оказалось, не только баскетбол легко даётся Отто. После просмотра роликов на ютьюбе, где девушки показывают, как несколькими штрихами превратить себя в настоящих красавиц, и после того, как Марианна познакомила его с косметикой, Отто принялся экспериментировать. Нужно ли говорить, что и здесь он блистал? Он в совершенстве, всего за пару дней, овладел искусством мэйкапа, так что, разглядывая фотографии в Инстаграме, где на одной Отто – брутальный мужчина, на другой – красивая барышня, а на третьей – некое подобие ожившего персонажа аниме, невозможно было угадать, что это один и тот же человек. Поэтому в тот день Отто показался мне незнакомым, и отсюда его вне-

запно образовавшиеся жёсткие, отточенные мужские черты лица. Он, видимо, немало времени провёл перед зеркалом.

Инстаграм ему наскучил, как только Отто увидел по телевизору популярную передачу, где в красках рассказывали о масонах и инопланетянах и о том, что инопланетяне дали людям древности не только технологии, но и систему верований, а попросту – религию. И Отто начал шерстить интернет, тоннами поглощая подобную информацию.

Я как-то смотрел похожую передачу по телевизору. Там такое рассказали, что я чуть не поверил в плоскую Землю и в то, что скоро всех нас поработят инопланетяне. Или уже поработили: я не разобрался. Помню, что в городе потом видел рекламный баннер на остановке, на котором ведущий той передачи зазывал всех на свои выступления, а билеты были тысячи по три.

Затем Отто скачал из интернета Библию, Коран и буддийские сутры, после – основные философские труды и к тому дню, как я пришёл к Цапкину в гости, закончил изучение всего этого материала.

Вернёмся к братьям Фот. В своё время они оказали услугу Андрею Михайловичу Цапкину и теперь просили помощи у него. У братьев была идея – открыть в городе М., желательнее где-нибудь в центре, «медитативное пространство», как они сами это называли. На деле подразумевалось что-то вроде центра нетрадиционной медицины, эзотерических прак-

тик и практик саморазвития. Несмотря на то, что в городе М. подобного и так было предостаточно, братья Фот решили, что их центр будет непохожим на всё остальное. Пространство должно быть открыто для бесплатного посещения. Захотел человек, допустим, йогой заниматься, здесь тебе йога и платить за неё не нужно, просто приходи, отдыхай, просвещайся, просветляйся. Решил пройти путь Кастанеды, здесь ты найдёшь мексиканского индейца и, если не будешь особо распространяться об учении, поучаствуешь в пейотной церемонии. Окупаться всё это должно было через продажи неведомых лекарств из трав, растущих только в Гималаях, секретной передачи из уст в уста таинственных практик, и самое главное – тут же собирались открыть бургерную, где каждая котлета готовилась бы под шёпот мантр монахов из таинственного монастыря в Непале. Ешь и приобщайся к вечности, одним словом.

Понятно, что братья Фот просто хотели открыть фастфуд, а вся история с «медитативным пространством» – мишура для привлечения, но Цапкину мысль понравилась, тем более, что у него в собственности был старый советский двухпалубный теплоход, пришвартованный напротив центрального парка культуры и отдыха, который и взяли у него в аренду братья Фот для открытия фастфуда. Теплоход давно уже был не на ходу, и на нижней палубе располагался грузинский ресторан, практически не приносящий прибыли. Лучшее место сложно было придумать, и дело двинулось. Теперь

братья Фот хотели получить какую-то услугу от Цапкина, и услуга эта была связана с Отто.

Оказывается, об Отто стало уже известно в кругах, приближенных к Цапкину. Если честно, я почувствовал укол ревности: я почему-то думал, что в историю нашего найдёныша посвящены только я и Думкина. Не знаю, на чём именно держалась такая моя уверенность. Наверное, это связано с тем, что любой человек бесконечно верит в собственную исключительность, не имея на то должных оснований. На самом деле об Отто уже много кто знал, но нужно отметить, что знали не историю его появления, а о его невероятных способностях или, как говорил Цапкин, о его гениальности.

Я всегда опасался этих слов – «гениальность» или просто «гений». Должна же быть какая-то мера, какой-то эталон гениальности, чтобы причислять кого-либо к гениям? И где взять этот эталон? Нельзя же взять за пример, допустим, Гёте, а гением называть математика. Или наоборот. А много было гениев, которые таковыми оставались в любых ипостасях? Я не припомню. Может, только наше всё – Леонардо, но что-то мне подсказывает, что там больше домыслов, чем фактов. И несмотря на мои опасения, пускай пока в узком кругу, но Отто уже прослыл гением.

– Ладно, братцы, рассказывайте, чем могу помочь, – начал Цапкин.

Мне показалось, братья Фот не ожидали, что Андрей Михайлович сразу перейдёт к сути разговора. Но, надо отдать

должное, они не ступшевались.

– Андрей Михайлович, мы хотим пригласить Отто в наш центр.

– Пригласить? На экскурсию, что ли? – спросил Цапкин.

– Не совсем. – Старший из братьев явно взял обязанность всё объяснить на себя, и я не понимал, зачем тут младший – Валентин, и Кевин Фот, словно прочитав мои мысли, разъяснил: – У Валентина появилась несколько эксцентричная идея, и суть её, если вкратце, в том, что у нас должен быть уникальный учитель.

– У нас – это у кого? – Цапкин явно не понимал, куда клонит Кевин Фот.

– У нас в России, – вмешался Валентин.

– Нет пророка? – кинула Думкина, не вставая с шезлонга.

– Можно и так, мне кажется, закостенело у нас всё как-то.

Вы замечали, сколько разных гуру приезжает каждый год? Откуда угодно. Из Тибета, из Индии, из Америки, из Европы. Такое ощущение, что их там в промышленных масштабах выращивают, а мы чем хуже? Почему нам не занять себе такого удивительного, но доморощенного гуру? У нас, стоит только изучить вопрос, выясняется, что если и появляются подобные, то уж совсем откровенные мошенники. То какой-нибудь сумасшедший себя богом объявит, богом Кузей, например, то другой возьмётся мёртвых за деньги воскрешать или по телевизору магическими пассами воду да кремы заряжать, пока не заинтересуются этими пассами и

кремами в компетентных органах. Вот мы с братом и решили, что пора своего мудреца создавать, а Отто ваш очень на эту роль подходит. Человек без истории, ничего про него нигде нет. А в наше время пойдй найди человека без истории. Может, только какие-нибудь вымирающие народности на Крайнем Севере? Да и те, мне кажется, в каких-нибудь «Одноклассниках» засветились.

– Интересно. – Цапкин действительно задумался, а Валентин, наслаждаясь произведённым эффектом, взял шампур с готовым мясом и начал снимать с него кусочки в тарелку.

– Вот и нам интересно, – поддержал брата Кевин.

– И мне интересно, – сказал Отто. – Кажется, я понимаю, о чём речь. Я согласен. У вас есть легенда?

– Легенды пока нет.

– Хорошо, легенда будет, дайте мне пару дней. Какой сегодня день?

– Воскресенье, – ответил Кевин Фот.

– Тогда давайте во вторник встретимся на вашем, точнее, на нашем теплоходе.

Было видно, что братьям не очень понравилось это – на вашем, на самом деле нашем, но они, конечно, ничего не сказали.

– Ну вот, стало быть, и славненько, – подытожил Цапкин.

Братья Фот явно остались довольны, несмотря на намёк Отто о теплоходе. Я же больше думал не о том, что предложили братья Фот, а о самом Отто. В нём так много из-

менилось. Голос стал твёрдым, и что-то такое появилось в его голосе, чему сразу веришь, что-то практически гипнотизирующее. Поведение Цапкина было понятно. Этого старого афериста просто волновало, что будет дальше. Вряд ли предприятие братьев Фот могло заинтересовать его по экономическим соображениям – он просто хотел угодить Думкиной, которая и привела братьев к нему, но ещё больше он хотел посмотреть, что учудит Отто. Меня смущало только одно: казалось, все забыли, откуда появился Отто. Я успел перекинуться с Цапкиным парой слов. Он сказал, что уже справил для Отто документы с пропиской. И вообще Отто теперь полностью легализован. Есть диплом о высшем образовании, военный билет, паспорт и свидетельство о рождении. На мой вопрос, зачем ему вся история с Отто, Цапкин ответил пространное: «Не знаю, посмотрим, стало быть, что получится». Мне начало казаться, что Андрей Михайлович слишком очарован Отто или вообще под каким-то его влиянием, но я всё же списал происходящее на его общую эксцентричность. А Думкина, наверное, влюбилась в Отто. А что можно понять в мотивации влюблённой женщины?

Остаток вечера Отто с Марианной сидели рядом и держались за руки. Она действительно смотрела на него влюблёнными глазами, он же не смотрел на неё вообще, но и руки её не отпускал. В чём же он был так хорош? Мне хотелось объяснить это для себя как-то, странно, что тогда мне не пришло в голову очевидное: да всем хорош Отто, навер-

ное, абсолютно всем хорош этот чёртов баскетболист-инстаграмщик-бьюти-блогер, будь он неладен.

Вернувшись домой, я не мог выбросить Отто из головы. Мне почему-то очень хотелось разобраться, наконец, в тайне его появления. Я не понимал, для чего. Может, затем, чтобы предъявить доказательства, что ничего чудесного нет. Предъявить Думкиной в первую очередь. Только вот дало бы это хоть что-то мне? Стала бы она меньше любить Отто, если я правильно расшифровал её чувства? Конечно, не стала бы. Женщины не так устроены. Я не уверен, что знаю точно, как именно они устроены, но могу предположить, что влюблённая женщина – это иная форма жизни, отличная от человека. И если влюблённый мужчина мало чем отличается от самого себя в обычном состоянии, женщина меняется настолько, что сама потом себе удивляется. Самое поразительное, что влюблённая женщина может мгновенно разлюбить и при этом даже для себя самой не найдёт тому объяснений. Просто дождь шёл наискосок, просто был понедельник и эти причины оказались важнее, чем, например, узнать, что любимый мужчина маньяк и убийца, на чьём счету сотни человеческих жизней. Маньяк и убийца! Для влюблённой женщины это будет всего лишь повод любить его ещё сильнее. Может, это из-за того, что женщина в отличие от мужчины способна произвести на свет новую жизнь? Я вот слабо представляю, как бы себя чувствовал, если бы во мне вызревало что-то, что впоследствии будет есть и пить, думать и жить,

ходить на работу, мечтать и надеяться, горевать и радоваться и вообще будет иметь две руки и две ноги. Как это возможно – жить с жизнью внутри себя?

Мучаясь такими мыслями, я не спал всю ночь, ворочался с боку на бок и уснул только под утро.

Через несколько дней я был приглашён на теплоход. Цапкин позвонил и сказал, чтобы я пришёл за приглашением, потому что у него может не оказаться возможности меня встретить, а проблем с моим присутствием на мероприятии он не хотел. По его словам, в этот раз вход будет не для всех желающих, как обычно, а только для «своих».

Пригласительный оказался очень кстати. На причале у трапа пара крепких ребят тщательно проверяла по спискам желающих попасть на теплоход. Я удивился, как быстро они превратили грузинский ресторан на нижней палубе в бургерную. В фастфуд стояла приличная очередь, и все столы были заняты. Верхняя палуба по периметру была закрыта лёгкими белыми шторами, их трепал тёплый ветер, сквозь шум толпы, расхватывающей бургеры, можно было слышать доносящийся с верхней палубы лёгкий бит дип транс. Туда я и отправился.

Здесь оказалось намного прохладнее, чем внизу и даже чем на улице в целом, словно где-то работает кондиционер. По палубе было разбросано множество мягких пуфиков, на нескольких вальяжно развалились какие-то люди. На вид

всем им можно было дать не больше двадцати пяти лет. Мне запомнилась девушка с зелёными дредами и парень с тоннелями в ушах, остальные были смазаны общей схожестью: джинсы-«подстрельши», кеды или кроссовки New Balance, примерно одинаковые причёски у парней, когда коротко по бокам и много сверху.

Девушки были менее однообразны в одежде, но их лица казались практически неотличимыми. Ярко очерченные, почти прямоугольные брови, да и всё остальное в их лицах было словно слепленным по лекалу. Если бы я попробовал вспомнить кого-то из них, получился бы только собирательный образ одного человека, похожего на всех сразу. На корме стояли диджейский пульт и колонки. Диджея я не увидел, но понял, откуда лилась музыка. Возле пульта я увидел Цапкина и Думкину, сидевших на пуфиках. «Не так уж он и занят, чтобы не иметь возможности встретить меня», – подумал я и подошёл поздороваться с Марианной и Андреем Михайловичем.

Отто я сначала не заметил, он сидел за диджейским пультом на полу, словно от кого-то прятался. Через пару минут появились братья Фот. Они поднялись с нижней палубы, и старший – Кевин – ещё дожёвывал бургер. Оба выглядели странно, даже нелепо. В каких-то белых балахонах с капюшонами. У Валентина на груди красовался санскритский «Ом», у Кевина написано по-русски – «не смешите мои Дхармы». За ними шёл человек, который выглядел здесь со-

вершенно неуместным. Если бы я не знал, что посторонний в этот день попасть на теплоход не мог, подумал бы, что это классический забулдыга, стреляющий на чекушку. Грязные, длинные, спутанные волосы, раздолбанные кроссовки на ногах, рваные джинсы, натурально вдрызг изодранные, будто их владелец только и делает, что каждый день продирается через таёжный бурелом. Старый, в прошлом светлый свитер, сейчас больше походивший на грязную половую тряпку. На шее костяные чётки из маленьких человеческих черепков, выточенных из камня или из кости – не разобрать. Когда он приблизился, я ожидал, что от него пахнёт духаном бомжатины, но от этого странного мужика пахло очень даже свежо, то ли дезодорантом, то ли качественным парфюмом. Невозможно было определить, сколько ему лет. Кожа на лице тёмно-коричневого цвета, но это не природная смуглость, ощущение, будто он обуглился на солнце. Судя по разрезу глаз, можно было предположить, что он либо бурят, либо тувинец, либо кто-то из северных народностей.

Братья Фот подошли к нам, и Кевин представил своего странного друга: «Знакомьтесь – Чингиз».

Только теперь я разглядел, что Чингиз ещё молодой человек, максимум лет тридцати, и вывод такой я сделал, посмотрев ему в глаза. Глаза были кристально голубыми, без тяжести, которую можно разглядеть в глазах тех, за кого я его принял вначале. В них не было мутной пелены алкоголизма или пресловутой житейской мудрости. Скорее его гла-

за были похожи на глаза не по годам умного ребёнка, когда в них блестит разум одновременно с лукавством. У Чингиза оказалось мягкое тёплое рукопожатие и доброжелательная улыбка.

Чингиз сел на пуфик неподалёку, а я спросил у Цапкина:

– Андрей Михайлович, кто это?

– У него лекция сегодня здесь, – ответил Цапкин.

– Я думал, сегодня Отто говорить будет.

– Ему ещё рано, у Отто сейчас что-то типа тренировки, стало быть. Пусть посмотрит, как это бывает вообще. А Чингиз, Чингиз очень интересный человек.

Вот что рассказал мне Цапкин о Чингизе.

Чингиз вырос в детском доме в городе Горно-Алтайске, родителей своих не знает, как попал в детский дом, не помнит. Сам Чингиз предпочитал думать, что он там и родился.

Единственным увлечением Чингиза было рисование. Он не был по-настоящему талантливым художником и не обладал какой-нибудь сложной техникой, но те образы, что рождались в его голове, были удивительны даже для него самого. Он не мог объяснить, откуда они брались. Это было что-то похожее на наскальную живопись, мотивы индийских эпосов Махабхараты и тибетские мандалы. Его рисунки пользовались спросом в магазинах алтайских сувениров, и он зарабатывал с этого небольшую копейку.

Чем старше становился Чингиз, тем более осмысленными становились его картины, а в пятнадцать лет он вышел из

детского дома и, как он сам говорил, просто пошёл вперёд.

С тех пор Чингиз бродил по Алтаю, останавливаясь только на зимовку. Личность он в тех краях известная, а сам себя называет сумасшедшим с редкими проблесками сознания.

Зимовал Чингиз в заброшенных домах, которых в алтайских безлюдных теперь деревнях полным-полно. Когда наступала весна, Чингиз сдавал всё, что нарисовал, в сувенирные лавки для туристов и снова шёл вперёд. Весной и летом он никогда не рисовал. Только бродил, не имея цели или какого-нибудь смысла. Так продолжалось до тех пор, пока о Чингизе не узнали братья Фот.

Они почему-то решили, что не может такой талантливый художник бродить просто так, у него обязательно должна быть философия. С тем они и поехали знакомиться с Чингизом.

Никакого скрытого смысла он им не открыл, потому что не было никакого скрытого смысла, но братья Фот такой смысл придумали и позвали Чингиза в город М. на семинары, читать лекции. Лекции Чингиза они называли «система осознанной свободы». Будто свобода бывает неосознанной или вообще может быть ещё чем-то, кроме свободы.

Чингиз воспринимал поездку в город М. как продолжение алтайского бродяжничества, а на лекциях просто рассказывал, что видел, или о том, какие мысли его посещали в пути. Как сказал Цапкин, ничего особенного в этих мыслях не было, но слушателям его лекций ничего особенного и не бы-

ло нужно. В их головах шаблон рушился только оттого, что так вообще можно жить, но при этом не быть вокзальным попрошайкой.

Они слушали его, снимали на телефоны, выкладывали фотографии в Инстаграм, подписывая примерно так: «Сегодня я узнал, что такое настоящая свобода #системаосознаннойсвободы #смотримнамиршире #чистоеосознание».

Денег за свои лекции Чингиз не брал. Довольствовался вырученным с продажи рисунков, а те разлетались на таких лекциях не хуже бургеров с нижней палубы. Цапкин считал, что всё-таки что-то Чингиз точно знал, но не говорил, словно боялся, что, рассказав, потеряет смысл обрётённого знания. В этой истории меня больше заинтересовали братья Фот, чем Чингиз, если честно. Я никак не мог понять, что они за люди и зачем носятся со всей этой эзотерикой. О чём и спросил у Цапкина.

Андрей Михайлович был словоохотлив и рассказал мне немного о Валентине и Кевине Фот.

Парни были родом из города С, где своё детство провела Думкина, и были единственными её детскими друзьями. По крайней мере, до той печальной истории, после которой Марианна стала затворницей. Как сказал Цапкин, братья ему близки, потому что привык относиться к ним почти как к своим детям. Андрей Михайлович смеялся, когда рассказывал об их увлечении эзотерикой, вспоминая, что, будучи подростками, братья Фот всерьёз были поглощены сатаниз-

мом. Но не в той мере, как об этом принято думать, а так, как увлекаются подобным молодые люди, открывшие для себя чудесные группы в жанре тяжёлой музыки. Конечно, это было всего лишь подражание с опорой на книги Антона Шандер Лавея.

Они носили пентаграммы и перевёрнутые кресты на шеях, но в таком возрасте от сатанизма до буддизма один шаг. Ещё вчера хотелось истребить человечество, а уже сегодня жаждешь освобождения от страданий всех живых существ. Главное, чтобы в таком случае уничтожение людей не стало идеей для их освобождения.

Также Цапкин рассказал, что многие годы братья метались в поисках хоть какой-нибудь добротной и не разваливающейся на глазах концепции духовного пути. Благо отец братьев был человеком обеспеченным, и они могли себе это позволить, вместо того чтобы с раннего возраста впахиваться в работу, чтобы обеспечить своё существование.

После долгих поисков, нужно отдать должное, не только теоретических, но и практических, братья Фот пришли к выводу, что истины нет. Правда, при этом они обнаружили, что на самом поиске истины можно неплохо зарабатывать, и решили придумать новое учение. Оказалось, что это не так уж просто, как виделось вначале, ведь нужно, чтобы такое учение не стало банальным сектантством. Тогда братья Фот решили пойти от обратного и начали искать людей, которые могут обладать каким-нибудь необычным знанием, на осно-

ве которого можно было бы слепить такое учение.

Они долго путешествовали по стране. Искали в Бурятии, искали в Якутии, искали на Сахалине и уже на Алтае встретили Чингиза.

Когда братья узнали об Отто, они решили, что их поиски окончены. Осталось только сформулировать основные постулаты нового учения, взяв идею «философии» свободы Чингиза, и вложить их в голову Отто. Они уже знали о его талантах в познании и были уверены, что из этого выйдет что-то по-настоящему дельное.

Необычная внешность Отто вкупе с его потенциалом окрыляла братьев. Я спросил у Цапкина, а зачем лично ему всё это, на что он мне ответил: «Знаешь, должна же быть у человека высшая цель, нет? Обычно высшая цель, если исключить очевидное – стать богатым или хотя бы ни в чём особо не нуждаться, – никак в человеке не обнаруживается. А если и обнаруживается, то для её осуществления обязательно нужно сначала стать богатым или хотя бы ни в чём не нуждаться. А дальше что? Спасение души? В спасение души я не верю, в Бога не верю да ни во что не верю. Я вот думал, может, литература для меня, например, высшей целью станет, но не дано мне писать. Высшая цель – это что? Высшая цель – оставить после себя хоть что-нибудь кроме червей в твоём разлагающемся трупе в могиле. А вот задумка братьев, как мне кажется, вполне тянет на то, чтобы стать сверхидеей. Знаешь, мне даже думается, что Отто не просто

так появился. Может, это такое мне благословение?»

Я не знал, что ответить Цапкину. Возможно, он и прав. В конце концов, ещё ни одно учение, ни одна религия не была спущена человечеству с небес, как бы этого ни хотели адепты. Всё придумали люди, скорее всего, даже подобные братьям Фот и Цапкину. И, наверное, есть хотя бы один человек за всю историю человечества, кому религия или какое-нибудь учение по-настоящему помогло, когда было трудно, а может, и спасло, и потому даже такой вот совсем человеческий вариант возникновения любой религии всё же лучше, чем если не было бы совсем ничего. Религия – это же не обязательно спаситель или высшее существо, это и космос в его самом что ни на есть научном понимании, это и государственное устройство, и деньги, о да – деньги, и любовь – та же религия, если присмотреться к ней внимательнее. Пусть любовь – самая добрая религия из всех, но, тем не менее, так же рукотворна, как и все остальные, и не менее других разрушительна. Религия – это прежде всего идея или, если хотите, множество идей.

Страшно подумать, скольких людей сгубили эти человеческие идеи, сколько во имя идей было уничтожено. Но убивать друг друга – в природе людей, и если бы всё это не было упаковано в красивую обёртку религии, они придумали бы что-нибудь ещё. Так что идея – вот что важно. И если идея в том, чтобы спасти хотя бы одного человека – разве это не претендует на, как говорит Цапкин, высшее?

Мне такими вопросами терзаться никогда не нравилось: зачем копать или разбираться, где тут истина? Да и кто я такой, чтобы судить об истине или решать, что истинно, если я по-настоящему не уверен даже в том, что окружающий меня мир на самом деле существует или на самом деле такой, каким я его вижу. Нет, пусть истина меня судит, если она действительно есть. Но вот почему всё это так интересно Цапкину, мне было непонятно.

Увлечшись размышлениями Цапкина, я не заметил, что лекция Чингиза не только началась, но, кажется, уже подошла к своему финалу. Может, это не только оттого, что я заслушался рассказом Андрея Михайловича, но и потому что Чингиз не старался заинтриговать: он ничего не проповедовал, не пытался привлечь внимание. Он говорил так, словно не закладывал никакого смысла в сказанное, словно сам не верил в то, что говорит.

Единственным, кто слушал Чингиза, пытаясь не проронить ни единого сказанного им слова, оказался Отто. Он перестал прятаться за диджейским пультом и теперь стоял за ним во весь рост.

Публика была убеждена, что он всего лишь рулит музыкой, а мне казалось, что, пытаясь различить сумбурные концепции Чингиза, Отто шевелит ушами то ли от удовольствия, то ли в попытке не упустить важное.

Он смотрел на Чингиза так, словно слушал откровение, именно библейское откровение. Он впитывал каждое сло-

во. Чингиз не говорил о том, что и кому делать, он просто рассказывал о себе. О том, что считает себя на самом деле сумасшедшим, но способным контролировать своё безумие. Его постоянное желание куда-то идти без цели и смысла – всего лишь способ окончательно не свихнуться. О том, что, оставаясь на месте, он слишком погружается в окружающую действительность, начинает чувствовать себя причастным к обыденной реальности. Потому и рисует только зимой, чтобы не бродяжничать в холода, а прятаться в заброшенных домах, топить печь и рисовать, не позволяя себе думать о том, как мир догоняет его, когда он останавливается.

Чингиз говорил, что реальность напоминает ему голодного волка, бегущего по его следу и ждущего, когда он – Чингиз – выбьется из сил, чтобы сожрать душу, чтобы не было души, чтобы не было жажды быть, а было только желание жить.

Я не совсем понимал, о чём именно он говорит. Да и публика не понимала. Девочки и мальчики на пуфиках смотрели на Чингиза через камеры смартфонов, они перемигивались и набирали сообщения в мессенджерах. Им не были важны слова Чингиза, им было важно, что они находятся там, где говорят о чём-то удивительном. Это как если бы прямо сейчас на палубу сел инопланетный корабль и можно было бы отправиться с его экипажем к далёким галактикам, но вместо этого кто-то решил, что важнее всего сообщить остальным, что приземлился инопланетный корабль.

Но Отто слушал. Он слушал очень внимательно, и, когда Чингиз закончил, когда мальчики и девочки побежали на нижнюю палубу за бургерами, Отто подошёл к нам и сказал Цапкину: «Я с ним поеду», – и показал пальцем на Чингиза. Было видно, что Цапкин рад. Рад, что всё получилось именно так, как задумывали братья Фот. Цапкин повернулся ко мне и подмигнул. Отто подошёл к Чингизу и что-то сказал ему на ухо, прикрывая рот ладонью, как говорят дети, когда пытаются сообщить свой страшный детский секрет. Чингиз внимательно слушал, после чего подошёл к Цапкину и спросил: «Мы побродим с ним немного?» Цапкин только улыбнулся в ответ и подозвал братьев Фот.

Через неделю Отто, Чингиз и Думкина уехали. За день до их отъезда Думкина зашла навестить меня. На самом деле зашла она, чтобы как следует накуриться травы, но мне приятно было думать, что визит исключительно про мою честь.

Марианна показалась мне одновременно грустной и счастливой. Наверное, в настоящем счастье обязательно должна быть капля грусти. Мы выкурили добрый грамм, Думкина развалилась на диване, я сидел в кресле и смотрел на неё с теми мыслями, о которых ей лучше было не знать. Я спросил у неё:

– Думаешь, хорошая идея отправиться с Отто?

– Не знаю, – ответила Марианна, – знаешь, нет мысли хорошо это или плохо, скорее, просто хочется и всё.

– Из-за Отто? – спросил я и пожалел. Мне показалось, что этим вопросом я выдал свои чувства с головой. Но Марианна или не заметила, или сделала вид, что не заметила.

– Из-за него, конечно.

– Любовь?

– Что-то большее.

– Как это?

– Ну как... я же с ним каждый день провожу: никогда не встречала таких людей, и я не о том, откуда он вообще появился, я об его уме, энергии, не знаю, как это объяснить. С ним рядом чувствуешь себя причастным к чуду или к чему-то по-настоящему высокому, значимому, понимаешь?

– Не очень, если честно.

– Это, наверное, чисто женское, мужчине трудно понять. Ладно, вот тебе пример, представь, что у тебя появилась возможность провести жизнь с самой красивой женщиной на свете, самой замечательной, женщиной идеальной во всех отношениях, согласился бы?

– Не знаю, я никогда не считал, что отношения с женщинами – это самое важное в моей жизни.

– Если бы считал?

– Тогда, наверное, да.

– Тут такое же. Я вот не могу представить, с каким мужчиной ещё можно быть, если не с таким, как Отто. И если я сейчас, допустим, откажусь от возможности быть с ним, сможет ли хоть один мужчина в будущем сравниться с ним,

я же всех буду сравнивать.

– А Отто что? Он как к тебе относится?

– Нежно, – Марианна по-кошачьи зажмурилась. – Он сам позвал меня ехать с ним.

– Знаешь, ты мне тоже нравишься, – сказал я и сам удивился своей смелости.

– Знаю. Но ты же понимаешь, да?

– Понимаю что?

– То, что я тебе только что рассказала.

– Понимаю, да.

– Ладно, я пойду, спасибо за «дудку».

– Не за что.

На пороге Марианна поцеловала меня в щёку, сказала: «Ещё увидимся», – и вышла.

Остаток вечера я провёл бессмысленно пялясь в телевизор. Я не вникал в суть того, что показывали, я думал о том, что, кажется, начинаю ненавидеть Отто. Для этого не было разумных причин, но разве можно говорить о ненависти с точки зрения разума?

Я долго не мог уснуть, пытаюсь объяснить себе это чувство, но единственное, что понял – я стал ненавидеть Отто потому, что он не только лучше меня, но и потому, что я вообще стал думать о том, насколько я хорош. Самый изматывающий вопрос для человека, особенно когда этот вопрос застаёт врасплох.

Прошёл ровно месяц, и Думкина вернулась. За это время я ни разу не был у Цапкина. После отъезда Отто исчезла причина, и стало понятно, что никаких особых дружеских отношений у нас с Андреем Михайловичем нет. Не сказать, что я как-то горевал по этому поводу, но мне теперь были понятны слова Марианны, не в том смысле, какой она в них вкладывала, но близко. Только теперь я понял, что появление Отто – что-то из ряда вон. Не то чтобы я забыл, как всё начиналось, скорее, я был удивлён, что даже такое событие оказалось чем-то настолько будничным и естественным, что я даже умудрялся скучать во время этих событий.

Что, интересно, должно происходить с человеком, чтобы каждый новый день удивлял его одним тем, что этот день настал, что солнце по-прежнему светит над головой? Даже не так. Что нужно человеку, чтобы всегда восхищаться, что там, в космосе, горит огромная звезда, и он – способный это понимать – летит вместе с ней? Я всеми силами пытался вернуть ощущение того момента, когда в первый раз увидел Отто. Когда Цапкин орал на меня, думая, что я его в гроб засунул. Это же было что-то действительно чудесное, но почему оно больше не кажется мне чудесным? Наверное, чудо потому и чудо, что нельзя быть очарованным им хоть сколько-нибудь продолжительное время.

Марианна Думкина вернулась, и я её не узнал. Нет, она, как и раньше, была обворожительной женщиной и, как раньше, одно её присутствие будило во мне самые низкие, но сла-

достные мысли, но что-то случилось с её глазами. Что-то она потеряла. До поездки на Алтай в любом её движении чувствовалась уверенность и грация пантеры, теперь все её движения были похожи на повадки домашней кошки, которую беспечные хозяева оставили на улице. И вроде бы у неё есть когти и зубы, есть инстинкты и сила, но нет понимания, как этим пользоваться. Марианна снова пришла ко мне, снова развалилась на диване, но теперь в её позе была осторожность, словно эта женщина была не уверена, что уместна сейчас. Мы снова курили траву, и, как мне кажется, не заведи я сам разговор, она так бы и молчала, а потом молча ушла.

– Отто тоже вернулся? – спросил я.

Она странно на меня посмотрела, как будто обиделась на то, что в первую очередь я спросил про Отто, а не про неё. Нет, она не подала виду, но промелькнуло во взгляде неуловимое, как бывает, когда смотришь человеку в глаза и вдруг понимаешь, что он врёт. И никаких доказательств нет, и даже невозможно сказать об этом тому, кто врёт, но все почему-то всё поняли.

– Я одна вернулась. Знаешь, а я даже соскучилась.

– По городу?

– По городу, да. И по чему-нибудь простому.

– Такое обычно бывает, если было слишком сложно.

– Сложно было, – сказала Марианна.

– В чём сложность?

– Я стала ему мешать. Но знаешь, было бы не так обидно,

если бы он дал это понять, а не сказал открытым текстом. Просто взял и сказал: «Ты мешаешь мне, я не хочу о тебе думать. Я хочу заниматься тем, зачем сюда приехал, и отвлекаться у меня нет времени. Можешь уехать?» Представляешь?

– Ну, он был честен, по крайней мере.

– Да кому она нужна, эта честность, когда любишь?

– А ты уверена, что он тебя любит?

– Я так думала.

– Так и в чём его вина?

Думкина посмотрела на меня с недоумением.

– Дело не в вине, дело вот в этой честности. Мог же и помягче сказать, придумать что-нибудь.

Я ничего не ответил. Во-первых, мне наскучило говорить об отношениях Марианны и Отто, во-вторых, мне казалось странным, что она ещё месяц назад говорила об Отто как о самом невероятном человеке, а теперь удивляется и даже обижается на то, что он был с ней честен, удивляется и обижается, что у самого невероятного человека могут быть интересы, выходящие за рамки отношений с ней. Может, тогда не надо искать чудес в жизни, если не сможешь потом с этими чудесами жить только потому, что они не вписываются в твою систему ценностей? Но человек не такой, человеку подавай самое лучшее, самое удивительное, а он потом всеми силами будет пытаться превратить это в то, что способен понять и чем хочет обладать. Он не будет замечать, как гиб-

нет чудо в паутине его примитивных эмоций и чувств, а если удивительное и чудесное, опираясь только на свою природу, вытолкнет такого человека со своей орбиты, тот ещё при этом будет удивляться, злиться и обижаться. Словно можно обижаться на то, что солнце всё равно светит, даже если ты пытаешься закрыть всё небо облаками.

Признаюсь, я злорадствовал. Не открыто, конечно. Необъяснимое чувство. Вместо того, чтобы посочувствовать, я повторял про себя: «Так тебе и надо». Мне было неудобно от такой мысли. Я гнал её, но она всё равно была рядом на уровне ощущения.

Когда так происходит, когда гонишь от себя злые мысли, они замещаются жалостью. Хочется сказать: «Ну я же говорил». Хотя я ничего не говорил. Зато понял, что теперь Марианна для меня намного ближе и доступнее, чем была до отъезда. Да и она теперь смотрела на меня несколько иначе. Мне казалось, что Думкина присматривается ко мне и даже чувствует во мне ту жалость, природа которой в «я же говорил». Жалость она, наверное, принимала за сочувствие, а моё ничтожное состояние, когда она уезжала с Отто и я не смог спрятать в своих словах мои чувства к ней, теперь казалось ей тем искренним и настоящим, чего она не смогла получить от Отто. Что ж, я решил, что это хороший вариант, тем более, признаюсь честно, мои чувства к Марианне по-прежнему были сильны с той лишь поправкой, что теперь я ощущал себя несколько уверенней.

Я понимал, что теперь мне даже не нужно предпринимать каких-то усилий. Но одна мысль просто окрыляла меня. Я вдруг понял, что тоже нравлюсь Думкиной и единственная причина, по которой у нас всё не завязалось намного раньше – Отто. Его присутствие всё портило.

Травы в тот вечер мы скурили много и не заметили, как наступила ночь. Мы лежали на диване и слушали музыку из плейлиста Думкиной в ВКонтакте. Мы специально как будто неловко ворочались, чтобы лишний раз прикоснуться друг к другу. Эти «случайные» прикосновения, словно разведка, попытка понять «а можно ли». Моя рука «случайно» коснулась её бедра, её рука «случайно» касалась моей руки. Так же случайно, будто на самом-то деле мы ничего не хотели, просто так сложилось, что мы тут «случайно» друг к другу прикасаемся, я начал раздевать Марианну, она помогала мне и в свою очередь раздевала меня. В открытое окно врывается освежающий августовский ветерок. Музыка замолчала, и вместо неё комната наполнилась стонами Марианны.

Уже ближе к рассвету мы наконец уснули, и я, если честно, надеялся на замечательное утро, что обычно бывает после замечательной ночи. В такое утро мужчина и женщина ещё мало знают друг о друге. Они забывают про обычные утренние привычки, не кидаются читать ленты соцсетей и не проверяют сообщения. Они смотрят глаза в глаза, варят вместе кофе, готовят завтрак, и нет ничего в этом мире, что могло бы их отвлечь друг от друга. Они ещё не стали частя-

ми привычной реальности, они пока только те, кто скоро её создаст, и в ней будут совсем другие утренние часы. Без взаимного кофе. Они слишком хорошо будут друг друга знать, и знание это не позволит им так же, как в то первое утро, наслаждаться взаимным существованием.

Не знаю, почему я верил, что утро будет таким. Марианна развеяла мои сладкие грёзы сразу, как проснулась. Она вскочила, начала судорожно одеваться и оглядываться, словно не помнила, как оказалась в моей квартире. Она не была груба, не сказала ничего особенного, но я почувствовал, что ей хочется побыстрее убежать, и, наверное, не столько от меня, сколько от самой себя вчерашней, когда она поддалась слабости и променяла Отто на меня.

Да, я снова начал думать об Отто. Мне казалось, что он чуть ли не провел с нами всю ночь в одной кровати. Но я не стал лезть к Марианне с поцелуями или объятьями и вообще вёл себя так, словно ничего не произошло. Я предложил ей завтрак и после – ещё немного покурить травы. Увидев, что я не собираюсь к ней приставать со своими чувствами, Марианна успокоилась и согласилась на позавтракать.

Она была отстранена, и я, поддавшись её настроению, тоже чувствовал себя так, словно между нами ничего не произошло. Ну а если так, мне стало до жути интересно, как там наш Отто в отъезде, без привязки к растрёпанному состоянию Марианны, о чём я её и спросил, и внимательно слушал, пока готовил и накрывал на стол.

Я опушу рассказ Марианны, как они тряслись в поезде почти четверо суток и какой ужасный сервис у нас на железных дорогах. Также опушу историю про таксиста, содравшего с них втридорога, когда они пытались добраться из Барнаула в Горно-Алтайск. Остановлюсь на том, что, приехав в город, Чингиз не собирался задерживаться в нём и, забрав деньги за свои картины в магазине сувениров, которых порядочно накопилось, пока он был в городе М., тут же отправился по одному ему известному маршруту к своей летней стоянке в лесу на берегу реки Катунь.

Думкина пыталась протестовать и настаивала, что им нужно на какое-то время остаться в городе, чтобы осмотреться, но, увидев, что Отто и Чингиз не понимают, о чём она вообще говорит, сдалась и отправилась в ближайший магазин для туристов запастись необходимым оборудованием для похода. И даже тут она не была понята ни Чингизом, ни Отто. Вообще, по словам Думкиной, её удивляло, что эти двое, пока ехали в поезде, практически не перекинулись ни словом, но понимали друг друга так, будто общались телепатически. Стоило одному на мгновение засмотреться на что-нибудь, другой становился увлечённым тем же самым. Они только обменивались улыбками, угадывая друг в друге одинаковое течение мыслей.

Думкиной было вдвойне неудобно. Никто из этих двоих и не думал о том, чтобы помочь ей. Когда она, купив объёмный горный рюкзак в туристическом магазине и забив его

необходимой снедью, какими-то походными кастрюльками, сухим горючим, консервами и таблетками для обеззараживания воды, попыталась его поднять и не смогла, ни Чингиз, ни Отто даже не дёрнулись, чтобы взять себе часть её вещей. Они только улыбнулись, как сказала Марианна, всепонимающими улыбками идиотов, и Чингиз спросил Отто: «Ты можешь стрелять?» Её удивило это «можешь». Он не спросил, умеет ли Отто стрелять, будто это даже не обсуждалось. Вопрос из его уст звучал именно так, как он его задал, что редко бывает у людей. Люди всегда подразумевают в своих вопросах не то, на что хотят получить ответ на самом деле. И Отто ответил: «Могу». Тогда Чингиз сказал: «Нужно заехать к моему другу, забрать ружьё и патроны». Это всё, что обсудили между собой Чингиз и Отто вслух за долгое время в пути.

Думкиной пришлось напрячь все силы, взвалить на себя рюкзак и переть его самой, что снова вызывало усмешку сначала у Чингиза, потом и Отто. Они не подтрунивали, но искренне смеялись, когда Думкиной становилось совсем тяжело и она просила отдохнуть.

Думкина запаслась не только котелками, но и лекарствами: антибиотиками, таблетками «от живота», обезболивающими и антибактериальными, включая мази и спрей с перекисью водорода. Она успокаивала себя таким образом: «Вот посмотрим, что вы будете делать, когда начнёте дристать или заболеее, и тогда надо мной посмеетесь, да?» Больше все-

го её злил не сам смех, а то, что Отто был на одной волне с Чингизом. Причём это не было нелепой солидарностью, он действительно думал и смотрел на всё происходящее одними глазами с этим сумасшедшим бродягой.

Добравшись до стоянки Чингиза, они оба вообще забыли о том, что с ними Думкина. Она пыталась на костре готовить им завтраки, но они их даже не ели. Вместо завтраков они уходили на горный обрыв над Катунью и сидели там до вечера, не разговаривая, ничего не обсуждая, только смотрели на солнце. Чтобы не повредить зрение долгим смотрением на солнце, оба обматывали голову. У Чингиза был специально для этого припасённый шарф, Отто снимал с себя футболку и пользовался ей. Когда солнце склонялось к горизонту, они возвращались к стоянке, Отто брал ружье и уходил в лес. Он всегда возвращался с мелкой дичью. Чингиз готовил, затем они ложились спать, и так две недели. Именно через две недели Отто и сказал Думкиной, что она ему мешает. Конечно, она не могла просто так исчезнуть, на что, как ей казалось, искренне рассчитывали Чингиз с Отто. Ещё неделю она добиралась до города, затем четыре дня на поезде до города М. Мне стало немного жалко Думкину после её рассказа, и меня удивило, что ни Чингиз, ни Отто даже не проводили её и не помогли добраться до города, но я почему-то не был удивлён этим обстоятельством. На мой вопрос, что Отто собирается делать дальше и когда вернётся в город М., Думкина пожала плечами и, как мне послышалось, с раздра-

жением в голосе сказала: «Да я без понятия».

Марианна Думкина ещё много раз приходила ко мне. В какой-то момент я начал думать, что у нас что-то складывается. Мы неплохо проводили время и, если бы Марианна иногда не «зависала»: не смотрела подолгу в окно и не грустила в такие моменты, я бы начал верить, что у нас тут случилась идиллия. Но эта пресловутая идиллия складывалась не столько из-за того, что мы готовы были признать постоянное существование друг с другом как данность, сколько благодаря немереному количеству травы, которое мы скуривали. Благодаря моему способу зарабатывать в траве не было недостатка. И что я хочу сказать вам по этому поводу: любовь или то, что люди привыкли называть любовью, а привыкли они этим словом называть совсем не то, что оно под собой подразумевает, очень хорошо ложится на изменённое состояние сознания. В таком состоянии не думаешь о том, что наступит завтрашний день, не думаешь, что обязан что-то в жизни делать, куда-то бежать, куда-то спешить, что-то решать. Мы просто были, несмотря на то что просто быть совсем непросто. Мы слушали музыку, трахались, смотрели в окно и удивлялись, как быстро сентябрь изжелтил берёзу под окном. Мы радовались теперь уже прохладному октябрьскому дождю, Марианна выскакивала на улицу и снимала для сториз в Инстаграме осенние лужи. Было ли это счастьем? Нет, конечно, не счастье – покой, когда никто ни-

чего не ждёт, и единственное, чего желаешь от нового дня – ещё немного музыки, ещё немного холодного дождя и ноября за октябрём, чтобы понимать – время течёт, что-то меняется в мире, но не меняемся мы. И от этого «не меняемся» становится тепло и уютно. Мы ждали, когда включат отопление, и Думкина целыми днями пряталась под тёплым пледом, я готовил ей чай, а она, глядя на это, вворачивала фразу из какого-то сериала, который я не смотрел: «Ты делаешь чай, я делаю дудку». И пока я возился на кухне, забивала бонг. Включили отопление, и Марианна начала выползать из-под покрывала и ходить по квартире в одних трусах. Из колонок звучала та же музыка, что и в конце лета. Сториз в Инстаграме Марианны заполнились видео со снегом. Сначала с первым. Потом снег с дождём, потому что начало декабря, потом дождь на Новый год под запах мандаринов в квартире и, наконец, пушистый январский снег. Это было прекрасное время. Время, когда не наступит будущее, а жизнь – картинка, сменяющаяся за окном для того, чтобы Марианне было что запостить в сториз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.